

Владимир КАРПОВ
г. Москва

СКАЖИ

РОМАН

(Продолжение.
Начало в № 11-12, 2025)

ТАБУН. БУЛАНАЯ

Очередные летние каникулы Валё проводил не в Каже, а в районном центре Краснотуркменское: такая же деревня, только большая. Сюда переехала семья дяди Яши. Пасти коней здесь было не с кем, зато случилось быть погонщиком.

Валё с Вовкой, как обычно вечером, когда не парит, поливали огород. Бегали с ведрами от колодца до грядки наперегонки, хитрили маленько, вспыскивая растительность для видимости, чтобы мокренько было. Сделал дело и — на улицу, где дотемна догонялки, прятки, когда в деревенской ночи можно и в лопухах укрыться.

— Эй, саранча, — позвал братьев дядя Яша, — завтра табун в Усть-Кажу погоню, хотите со мной?

— На лошадях?!

— Я не принуждаю. Бегом бегите: сорок километров всего!

Да может ли быть для мальчишек десяти-одиннадцати лет счастье большее?! Верхом! Аж до деревни, где Кажа впадает в Бию. При слове «Бия» у Валё теплом разливалось по груди — это же его родная река, только в верховье!

Спали братки на чердаке. Боясь проспать, привязали к ногам веревки и спустили вниз так, чтобы концы свисали над дверью. Вышел дядя Яша — Вовкин отец. Дёрг — и мальчишки вскочили.

Вовка засопел сразу, а Валё в предвкушении конного похода, наполненный скачками в груди, еще долго впериал глаза в полумрак чердака. В крыше было окно — домиком таким выступал застекленный отсек в сторону улицы. Мальчишки лежали ногами к огороду. Чтобы посмотреть на небо, Валёк за-

прокидывал голову, тогда еще не удивляясь, что звезды у него на родине, на Алтае, такие низкие и большие — спелые! Небо как небо. Интерес был в том, что если всмотреться, то можно усмотреть ползущую в вышине маленькую точку — взлетающие с космодрома Байконур ракеты и спутники первым делом «переваливались» через Алтай. Сюда же, в тайгу, падали огарки первых ступеней, которые находили лесники и охотники, стаскивая к себе в дома, совсем тогда не отдавая отчета, что находки радиоактивны и могут стать серьезным приговором для невинных людей.

Валё доводилось видеть в небе сломавшийся, как он решил, спутник. Или же то, о чем скоро пошла шумиха под названием «НЛО». Дома у себя, в Бийске, он часов в одиннадцать ночи вышел на крыльцо, собравшись до уборной, и обмер: по небу, низко, на уровне движения аэроплана-кукурузника, двигался огненный шар размером с полную луну, обвальный дымкой. Утром в школе он стал делиться виденным с одноклассниками, полагая, что из них также кто-то видел огненный шар — такая болванка проплыла! Но никто не видел! Спросил учителей, мол, что это могло быть, и, кроме того, что на него посмотрели с какой-то странной подозрительностью, как на большого враня, ничего от них не добился. Валё даже по радио последние новости прослушивал. Ну должны же сообщить, если спутник, пущенный с космодрома, сломался и пролетел так низко над городом, что мог и упасть?! Если не спутник, так что это могло быть?! Инопланетяне?! Молчок! С другой стороны, огненный шар, окутанный облаком, проплыл по ночному небу секунд за десять-пятнадцать, то есть выйди чуть позже, чуть раньше — он ничего бы и не увидел. А «городским» — тем, кто живет по другую сторону Бии, в государственных домах, — им на ночь глядя вообще на улицу ни к чему, у них уборная прямо в жилье!

Проснулся оттого, что поехала крыша над головой.

— Затяжной прыжок без парашюта! — кричал снизу Вовка.

Деревенский житель, проснувшись раньше, он тянул снизу за веревку. Валё скользил на спине по потолку, извиваясь, как пойманная рыбина.

Вовка уже успел сплести из тонких кленовых веточек легкую плетть, устроив на одном конце кольцо, — так, чтобы она висела у него на руке.

Старший братка тоже захотел сплести такую косичку, но прутики выбивались из ровного строя, образуя торчащие дуги, и младший ловко и быстро помог. Сноровистые они, сельские! Теперь у обоих свисали боевые плетки с запястьями!

Завтрак в деревне прост и скор на приготовление: кружка парного молока и ломоть хлеба.

Погонщики седлали лошадей.

— Яков Михайлович, — почтительно развел крепкими руками кудрявый парень с густой растительностью в уголке рубахи. — Седло-то всего одно осталось? — буква «г» у него звучала ближе к «х».

— Ну и седлай одного, — скороговоркой отрезал начальник, — попеременно поедут, один — верхом, другой — со мной на телеге.

Как на телеге?! По какой переменке?!

— Да я без седла! Без седла запросто! — горячился Валё.

Дядя Яша, шмыгнув, потёр матерым кулаком крупный нос. Протараторил:

— Это не копыта возить! Без задницы останешься!

— Яков Михайлович! — Погонщик, в отличие от начальника, говорил плавно, словно раскачиваясь на каждый слог. — Фуфайку накину, стремена из веревки скручу. Поихраются — да на телеху.

Ну уж, выкусите, на телегу! Валё сидел верхом. На фуфайке мягко! Но подстилка скатывалась ту в одну сторону, то в другую. Засунуть ступни, как в стремена, в петли, устроенные на концах перекинутой через круп коня веревки, — тоже дело мудреное. Наездник уже имел опыт: нужно сдавить ребрами ступней подберье коня, вцепиться, — тогда не прыгаешь на спине его, а движешься в такт, как единое с ним существо.

Сначала гнали по улице: дорога грунтовая, сухая, накатанная. Гул стоял, как от гусениц танка — в бийском Заречье базировалась воинская часть, и танки часто можно было увидеть за полосой леса, на полигоне.

Как вышли из деревни, первым делом отправились на водопой. Под Валё конь низко склонил голову — так, что без седла можно было и скатиться. Он вдавил большие пальцы ног в тело скакуна.

В табуне был жеребёнок окраса удивительного цвета — песка такого, на который любят упасть грудью вылезшие из реки дрожащие от холода мальчишки. И сгрести этот песочек к груди! При этой золотисто-песочной масти грива и ноги от сгибов до копыт были чёрными. Чёрная звёздочка красовалась и на лбу. Мать жеребёнка была точно такой же редкой буланой масти, с чёрной гривой и ногами, только без звёздочки. Валё давно заметил: звёздочка на лбу — белая, чёрная, иная — есть почти у всех жеребят. А у взрослых лошадей — редкость. Жеребёнок пил воду рядом с матерью. Поднял голову, почему-то оглянулся на Валё и весело, по-детски заржал. И какой-то конь еще в середине табуна ответил взрослым ржанием. И еще раздалось ржание.

Табун тронулся, и только теперь Валё заметил, что буланая кобыла — красивая, статная, рослая — сильно припадала на правую переднюю ногу. Хромая!

Табунщиков было четверо. Один ехал впереди — вёл за собой лошадей. Двое с боков. И один сзади. Как раз этот кучерявый парень с лохматой грудью. На него и ложилась основная нагрузка. Если не считать больших помощников, сродных братьев.

Одно дело — пасти коней, другое — гнать! В первом случае можно сидеть себе на лошадке, дымить «козьей ножкой» в задумчивости, как дядя Вася, во втором — нужно всегда быть начеку. Один конь резвее, другой медленнее, этот остановился щипнуть травки — пошло столпотворение, а тут целый косяк в сторону подался... Кудрявый — называли его Казак — везде поспевал. Всё с улыбкой, со смехом даже! Много ли было толку от Валё с Вовкой?

Им же хотелось везде галопом и чтоб плеть взвивалась! А кони пугались. Казак ничего не говорил, только посмеивался да махал рукой, мол, сам такой был.

— Пап, ягоды-то сколько! — воскликнул глазастый Вовка. — Давай остановимся, пособираем?!

— Ага, и до ночи не доедем! Завтра езжайте с Галькой и собирайте!

Кучерявый погонщик, не прекращая движения, спрыгнул с коня, умело нащипал клубники прямо с хвостиками, подал по букетику мальчишкам. Так же ловко снова сел верхом.

— У нас на Кубани уже виноград поспел, арбузы! — сказал громко, растягивая слова.

— Так и жил бы на своей Кубани, — ревностно протараторил дядя Яша, — чё в Сибирь-то припёрся?

— Женился.

— Увез бы туда.

— Увозил. Вернулись.

— Так и нечего по арбузам вздыхать.

— Да я так, к слову.

— Хватит лясы точить. Табун разбежится!

Казак подхлестнул коня и поскакал вслед отбивающейся в сторону лошадке.

— Арбузы-то и у нас расту-ут! — крикнул вдогонку Вовка. — Маленькие только. На засолку.

— А ты чё, всё ишо в седле?! — Дядя Яша обычно говорил как городской, но иногда переходил на деревенский лад. — Фон барон какой, а! Давно бы уж с Вальком поменялся, — сказал он, будто где-то отсутствовал и только что подъехал.

— Дядь Яш, да мне нормально!

Но Вовка с большой охотой уже подводил своего заседланного коня за повод. Валё хотел подобно Казаку спрыгнуть с коня, но получилось, что сполз. Мышцы ног словно било током.

— Пап, я к тебе. Вожжи дашь? — не захотелось Вовке ехать без седла.

Он залез на телегу, взял в руки вожжи.

— Эх, тачанка-ростовчанка!

Коня, на котором ехал Валё, разнуздав и убрав с крупы фуфайку, Казак пустил в табун.

И все-то ему было весело.

Воспользовавшись короткой стоянкой, кучерявый улыбчивый табунщик подошёл к буланому жеребёнку со звёздочкой на лбу, погладил. Приласкал и мать его, тотчас склонившую перед Казаком голову: видно, была к нему уже привычна.

— Это же наша порода, казачья — Донская. — Так же он любовно и жалостно смотрел на хромую лошадь. — На таких казаки в войну с Наполеоном в Париж вошли.

Буланая распрямилась, выказывая стать — с ретивой осанкой, лебединым изгибом шеи, спиной с приподнятой холкой, словно специальной выемкой для седока. Шагнула, а нога — крюка.

— Ретивая шибко ваша порода! Она ж молода ишо, — сказал дядя Яша. — А теперь куда её?!

— А что с ней? — спросил племянник.

— Вы табун гоните или болтать поехали?!

Казак щёлкнул в воздухе бичом, и Буланая вдруг поднялась на дыбы, заржав, то ли не согласная с такой командой, то ли по прежней выучке.

— Наподдай ты ей, будет она ишо форсить!

Дяде Яше было хорошо, что передал вожжи сыну. Разлегся в телеге, фуфайку положив под голову.

В стременах — совсем иное дело! Цыпки в ногах уже не бегали, и можно было посостязаться со взрослыми погонщиками, даже с ловким Казаком.

Километров через пятнадцать пути сделали остановку. Коням нужно поесть. Благо, пищи под ногами полно, трава небольшая, но сочная: клевер. Да и погонщикам пора подкрепиться. Хлеб, молодая картошка в мундирах, яйца вкрутую, лук-батун, который один раз сеют и он родится годами: с крупными перьями, не так горький, ткнешь пучок в соль и в рот — какая же это вкуснятина в поле!

Валё на ходульных ногах прошёл к жеребёнку. Буланая кобыла щипала траву, а сынок сосал материнскую грудь.

— Не трогай, пока ест, — окликнул Казак с улыбкой, — а то может охрызнуться!

Валё по собаке знал: даже его друга Тарзана нельзя касаться, когда тот у миски. Цапнет!

Под открытым небом, когда вокруг ни кустика, а всё равнинные косогоры, подступал дневной зной до испарины и кружения в глазах. В такой день, наверное, деда Михаила, напившегося студеной воды из родника, и скрутила тягучка. Пить хотелось страшно, именно родниковой. Но у дяди Яши на телеге стояла фляга с водой, зачерпнул кружкой, попил. Тёплая, конечно. Слепни стали кружить, осы. Кони фыркали, мелко подрагивали кожей и махали хвостами, отбиваясь от супостатов. Валё тоже отбивался, пускал коня вскачь, хотя привставать на стременах уже не хотелось, и спинка потихоньку словно надевалась на штырь. Дядя Яша несколько раз звал перебраться на телегу, но Валё ни в какую: а как же из Монголии сарлыков на лошадях гонят! В Заречье даже была такая контора: «Скот-импорт».

Стало смеркаться. И дядя Яша уже в приказном порядке заставил племянника слезть с коня.

Валё едва перетащил через седло левую ногу, правая путалась в стременах. Его подхватили крепкие руки, поставили на землю.

— Чухунка вместо задницы-то, поди?! — смеялся добродушный кучерявый Казак.

Как Буратино, на деревянных ногах, Валё дошел до телеги. Коня расседлали, пустили в табун.

После долгой верховой езды так хорошо было на телеге! Голову уместил на седле, в котором только что ехал на коне. Сладко растянулся! Вовка рядом спал на фуфайке. Дядя Яша правил.

Дорога пошла на скат. В сумерках показалось село Усть-Кажа. Светились кое-где огни окон. Река текла, широкая, спокойная. Бия с её светлой водой, совершенно отличающаяся от глинистой стремительной Катунь, при сливании с которой и образуется Обь — «обе».

Дядя Яша вдруг резко остановил коня в упряжи: «Тпр-р-р!»

Навстречу с включенными фарами поднималась на взгорье машина. Уазик.

Машина остановилась, вышел водитель, дядя Яша слез с телеги. Мужики поздоровались. Заговорили.

— А ну быстро в машину, саранча! — командовал Яков Михайлович.

Валё и Вовка пересели в уазик с брезентовым верхом. Машина быстро понесла по грунтовой сухой дороге. Только фары успевали высвечивать фрагменты косогоров, вершины холмов, снова утыкаясь в накатанный пыльный грунт.

После долгого пути туда — обратно приехали, казалось, за мгновения. Высадились у дома, и лишь бы залезть на чердак. Спали чуть не до обеда.

К обеду вернулся дядя Яша. За столом он нарезал пластинками копченую колбаску, поясняя, что её можно не чистить, она в натуральной оболочке: то есть мясо, набитое в пленки хорошо промытых кишок.

— У них там, в Усть-Каже, свой колбасный завод, — пояснял заготовитель, — лучше, чем в Бийске, делают. С чесноком. Конская.

У Валё так кусок и застрял во рту.

— Как конская? — нехорошее подозрение стало разверзаться в голове. — А мы лошадей гнали что, на завод?

— А куда их ишо? Старые.

— Ты чё, — встрял брат Вова, — не видел, сколько там седых лошадей?

— Седых? — удивился Валё.

— Ну, белые.

— Белых было много, — открыл для себя Валё.

— Это ж седые. От старости.

— Лошади седеют, что ли?

— Все седеют. И люди, и скот, — вздохнул дядя Яша.

— А жеребёнок? Жеребёнок как? Его тоже, что ли?... — У Валё язык не повернулся договорить.

— Жеребёнка с кобылой я зятю пригнал, во Фрунзе. Я ж думал, вместе там заночуем, а тут машина попала с нашим инженером. Я вас и отправил.

Село Фрунзе находилось в трёх километрах от Усть-Кажи. В нём жила семья старшей дочери дяди Яши — сродной сестры Валё. Бия в

том месте разливалась на рукава, обтекая лесистые острова, а сразу за домами шла тайга, взбираясь волнами по холмам.

Валё озадаченно смотрел на колбасу.

— Разве можно из лошадей?..

— Какая разница? — выступил Вовка. — Из конины или из свинины?

— На конях мы ездим.

— И на быках ездим, — голодный с дороги дядя Яша жевал мелкими движениями: смаковал.

Валё припомнился рассказ своего отца о клоуне Дурове, который ездил по городу на свинье. Что тут добавить?

— Жеребёнок вырастет, и Буланую тоже на завод? — Валё сделал рубящий жест рукой.

— Похромат ишо. Мёд начнут качать, фляги на телеге потянет.

— Жалко.

— Кто говорит, что не жалко. Она же на бегах скакала. Призы брала. Где-то с жеребцом деревенским спарилась. А понесла кобыла от непородистого жеребца, она уже породу не даст. — Дядя Яша и в армии, и всю войну был при лошадях. — Оно и у людей так.

Щёки дочери, восьмиклассницы Гали, выглядевшей девушкой, вспыхнули алым.

— Ты про каких породистых? Мы сами-то кто? — жена дяди Яши распрямилась с большой ложкой от варева на керогазе.

С прямыми плечами, удлинёнными прямыми чертами лица, прямыми ресницами и глубоко посаженными глазами, Нина Адамовна всегда смотрела, казалось, откуда-то издалека. Говорили, что она очень красивая, но другой, не «нашенской» красотой. Характер, говорили, не лёгкий. Не подбежишь, как к тёте Нюре, не скажешь: «Намажь-ка мне хлеба вареньем». Хотя всегда угостит и сама варенья положит — в чашечку. В Белоруссии у неё оставался отец: дед Гали, Вовки и других, старших детей дяди Яши, звали чудно — Адам!

— Да это я так, к слову, — махнул Яков Михайлович, — мы-то известно кто, колхозники!

— За породой не угонишься. Муж, — повернулась Нина Адамовна к дочери, — лишь бы заботливый был. Да голова на месте. Как у

папки твоего, — нежно добавила Адамовна.

— Вы будто меня уж выпроваживаете! — всплеснула со смехом руками долговязая Галя.

— А хромает она почему? — Валё не терпелось слушать про лошадь.

— Кто? А, кобыла? Ток она в путях через загон прыгнула к жеребцу этому и без ноги осталась. Казак правильно говорит: Донская, с норовом. Они ж для боя. От пуль не шарахаются!

— А жеребёнок? Жеребёнок тоже для скачек не годен?

— Чё скакать-то попусту?! По хозяйству наскочится. Хорош будет конь. Я как глянул, ну прямо Мухорка! Конь такой у нас был, давно ещё, до колхозов. Буланный, а грива и ноги чёрные! Мухорка. Мамочка твоя его шибко любила! Када раскулачивать приходили, она — на его, я — сзади и — в рощу!..

Много интересного и важного было в прошлом у дяди Яши и мамочки, но особо запахла именно эта история, когда в размеренную трудовую жизнь вольной деревни нагрязнуло что-то непонятное, инородное: пришли отнимать трудом нажитое. И не деньги, не добро, а любимого коня бросились спасать подростки Ариша и Яша. И каждый раз, слушая об этом, Валё пламенел и словно с пригорки видел буланого коня с развевающимися чёрной гривой и хвостом, и седоками-подростками на спине. Иногда, вместо мамочки и дяди Яши, сам скакал с сестрой Галей или с сестрой Раей на Мухорке, спасая любимого коня.

«Снеглетел буланому под ноги...» — на блатной манер, с надрывом, проносились в голове слова песни, как пели её под семиструнку взрослые парни на посиделках вечерами.

Следующим днём дядя Яша повёл племянника в контору. Валё из окошечка подали лист бумаги, где он в строке с его фамилией расписался. Ставил свою подпись впервые в жизни. И дальше — на площадку, устроенную в нижней части окошечка; женщина бухгалтер отсчитала деньги. Пятерку, трешку, рубли... Зарплата за перегон скота. Валё взял деньги, пересчитал и никак не мог поверить. Он знал:

в Каже за месяц дядя Вася получал триста рублей старыми — значит, тридцать — новыми. У мамочки, повара-бригадира в городе, зарплата была восемьдесят рублей в месяц. А здесь за день он заработал двенадцать рублей и еще мелочью сколько-то. Богатей!

Шагнул Валё было к выходу и почти наткнулся с деньгами в руках на Казака. Кучерявый, всегда улыбчивый парень с лохматой грудью как-то оторопело замер. Вот говорят: «дыбанул глазами» — и точно, светлые очи Казака будто встали на дыбы. И так Валё сделалось не по себе! Понятно же, деньги, выданные ему, должны были принадлежать настоящим погонщикам: двенадцать рублей — на четверых, по три с лишним рубля сверху! А начальник заготконторы Яков Михайлович выписал их племяннику, от которого пользы было ни на грош.

Казак выстрелил взглядом, изменившись в лице, но уже в следующее мгновение улыбался по-прежнему. И потрепал Валё по чубу, выстриженному на макушке треугольником.

— Молодец, настоящий похонщик!

Сестре Гале через день исполнялось пятнадцать. Выглядела она на все восемнадцать: рослая, плечистая, длиннорукая. Ходила в стареньком выцветшем ситцевом платье. А Красногорское — не Кажа. Районный центр. Здесь уже девушки щеголяли в модных платьях! Братья отправились в промтоварный магазин. Шиканули — купили крепдешиновое платье в горошек с рукавчиками фонариком. Самое моднющее на ту пору! Потратили восемь рублей. А на четыре — и конфеты, и лимонад, и по складушке — ножик, теперь самый обычный, когда лезвие вкладывается в ручку, а тогда редкость! Мечта мальчишек.

Как Галя всплеснула долгими руками, как закружилась и запрыгала перед зеркалом, впервые в жизни надев неношеное платье, — новенькое, хрустевшее — высокая, резвая и резкая, как сгребла братьев, обнимая! Видел бы Казак, не горевал бы об уплывших мимо кармана деньгах, а радовался вместе с мальчишками.

Хотя даже через годы Валерий будет пом-

нить этот неожиданно колкий взгляд доброго человека и заигравшие на его лице желваки.

Тем же летом перед пятым классом Валё с мамочкой и мамой Клавой переехали с улицы Гоголевской в разрез переулка Телецкого. Что такое «разрез»? В квартале, где люди имели большие огороды, делался узкий проулок, соединяющий два больших переулка. Нарезались участки с положенными наделами в шесть соток, равные оставались и у старых владельцев, которые с радостью освобождались от излишка, поскольку в городе за участок свыше шести соток значительно возрастал налог.

Расширять и перестраивать ветхую избу на Гоголевской не имело смысла, можно было только снести. А в этом варианте, с переездом, получалось выгодно: на вырученные с продажи старого дома деньги Ирина Михайловна закупила белый кирпич и листовое железо для крыши. А строились тогда сообща, миром, устраивая помочи, когда собиралась вся родня, знакомые, заливали фундамент, поднимали стены, благо, деревенские люди — выходцы «с Кажи» — умели всё. Братка Сеня выходные и вечера пропадал на строительстве дома для няньки.

Начала стройку мамочка еще и потому, что её родная племянница Мария — няня Маня, как звал Валё, — попала в беду. Много позже Валерий прочитает повесть «Деньги для Марии» Валентина Распутина (и это будет первое произведение, которое он прочтёт у Распутина, подобрав по пути из Новосибирска в Бийск забытый кем-то журнал на столе вагона). Описанная история, вплоть до имени Мария, совпадала с той, что случилась в его родне, в детстве.

Няня Маня, приветливая, улыбчивая, с ямочками на округлых щеках, работала продавцом в магазине посёлка Кирпичного завода. Понятно, все работяги брали товар авансом — «до получки», а продавщица, добрая душа, отпускала. Внезапная проверка — и крупная недостача. Сразу взяли под стражу. Разница с повествованием Валентина Григорьевича заключалась лишь в том, что небогатая дружная

карповская родня бросилась искать деньги и скоро собрала нужную сумму. Вернули до копеечки. Но... квартира на Кирпичке была заводской, ведомственной. Мария с мужем и маленьким сыном оказались на улице, без копейки, а ещё долги отдавать надо.

Мамочка — нянька Ариша для Марии — и затеяла строительство дома на два хода, чтобы обеспечить жильём и племянницу, дочь сестры Нюры и Василия Макаровича, того самого дяди Васи, который давал Валё спокойную лошадку и позволял с ним пасти табун.

Лето и осень прожили все вместе в засыпушке в двенадцать квадратных метров. А когда на помочи приезжали родственники из деревень, спали вповалку на целиком застланном полу. Шebutной муж няни Мани братка Толя еще и кроликов на чердаке, засыпанном опилками, развёл, которые сновали всю ночь и занимались продолжением рода, плодясь, по известному выражению, как кролики.

После слаженного труда, к вечеру, всегда устраивали гулянку — так называли многолюдное застолье. Укладывали доски на кирпичи, накрывали скатертями, равно также ладили временные скамейки. Немудрёная еда, брага: водка, самогон могли быть в праздники, редкостью, а так, брага, настоящая в лагушке — деревянном бочонке с небольшой плотной пробкой.

Отработав день, плясали, пели — из Карповых пели в основном жёны, влившиеся в большую родню, тетка Анна одна чего стоила!

К зиме одна половина дома была достроена. Просторная кухня (по тем временам), гостиная с круглым столом, покрытым бархатной скатертью с бахромой — при виде её женщины смыкали у груди ладони в восторге! Отдельная комнатка-закуток для Валё, сени, кладовка. За домом: сарай и курятник, погреб и уборная из новеньких досок, с глубокой ямой, не то что в огороде по Гоголевской. Палисадник... Палисадник всегда находится перед домом, со стороны улицы. Но здесь дом стоял на горе, огород спадал вниз (с ним дожди и полив), так что палисадник с цветами и обязательной си-

ренью пришлось разбить за домом, перед чужим огородом.

А со двора, где бегал на цепи Тарзан, обзор был на всё Заречье, да и реку, обнимающую остров рукавами. Виден был и крутой, обрывистый, высокий противоположный берег, на котором располагался аэродром, где взлетали и приземлялись кукурузники.

Поначалу Валё ещё бегал к друзьям на Гоголевскую, но скоро оброс товарищами и на новом месте. Так оно в жизни: оставил привычное, родное, а потом уже и вечно манит неведомо куда. Как и вечно тянет вернуться, остро, с болью, да не тут-то было!

(Следующая история — уже из разреза по переулку Телецкому. Отличительна она ещё и тем, что в основе её самый первый рассказ, написанный автором. Герой всё тот же, Валё, только попросившийся на бумагу в иную историческую эпоху.)

МАЙКА

У каждого есть своя заветная мечта. Одному хочется хороший фотоаппарат, другому — гитару, третьему ещё чего-нибудь в этом роде. А у Витьки мечта необыкновенная, редкая, между тем хочет он самого простого: он хочет, чтоб у него была коза. Коза! Он бы за ней ухаживал, косил ей сена на зиму, ходил бы с ней в лес, на луга!

Сережка, тот с ума сходит по велосипедам. Юрку от книжек не оторвешь, Дима собирает радиоприемники. Павлик Жиркин страстно увлечен колбасой; в школе — с ломтиком, на улице — с пластиком, и мать то и дело орет: «Па-а-влик, ку-ушать!»

Это все ничего, тут другое... Во-первых, если кому сказать, засмеют, во-вторых... Да нет, и думать нечего, бредовая идея... Вот когда жили они в старом доме и дед живой был, другое дело. Тогда были у Витьки голуби, кролики, вымолил бы и... Сначала бы дед отмалчивался, хмыкал, но однажды, как-нибудь утречком, словно между прочим сказал: «Иди-ка во времянку сходи». Витька влетает, а там

— бе-э-э! — здравствуйте. Мигом сносился бы за капустой...

Эх! Да что мечтать-то. Деда нет. И живут они теперь в новом доме, в пятиэтажном. Газ, вода горячая, холодная, и печку топить не надо, — короче, все удобства. Но козы не будет, как нет голубей, кроликов. Есть только щенок. Можно, конечно, голубей-то держать: сварить железную будку-голубятню и поставить во дворе. Витька такие видел. Но отец говорит, что и со щенком делать нечего. Не то чтоб он животных не любил или там жадный был, нет, — просто не понимает как-то... Прямо замкнутый круг получается, ткнуться некуда.

А коза!.. Она смешная, добрая, с ней можно ходить в лес и на луга! Коза бы там бегала, щипала травку и кричала: «Бе-э-э!»

И откуда в Витьке это желание, он и сам не знал.

Был месяц май. И в сибирский маленький городок, где родился я, вырос Витька, стало заглядывать солнышко. Прошла река, подсохли ручейки, все никак не мог «просохнуть» друг и товарищ местной детворы дядя Юра Скореходик: по-прежнему сшибал у Андреевского магазина пятаки, «наливался» и рассказывал пацанам о давней удивительной своей службе на границе. Зазеленели деревья, и сестра Витькина, девятиклассница, расцвела, стала где-то подолгу задерживаться, приходиться домой не одна, а с провожатым — десятиклассником Мишей Звягинцевым.

В былые времена Витька поделился бы с ней, а нынче куда там — взрослая! И никакая не взрослая, просто Мишке подражает, а тот самовлюбленный задавака. Все прошлое лето он околачивался на речке с собакой по кличке Жульбарс. Рисовался ей как мог. Жульбарс пользовался и у публики неоспоримым авторитетом, пока однажды простая дворняга не разделалась с ним по всем статьям. Правда, дворняга Валерки — Валё, Витькиного одноклассника. «Черт в стуле», — говорит о нем отец Витьки.

Мишка выделялся перед толпой зевак на берегу: бросал палку в воду и кричал «апорт». Жульбарс плюхался и, точно рассчитывая траекторию, плыл за ней.

Подошел Скороходик, поглядел, звякнул пустыми бутылками в сетке и авторитетно заявил:

— Для границы непригоден. Пограничный пёс меньше должен быть, чтоб вёртче. А это не собака, это боров.

Мишка оскорбился, однако промолчал. Скороходик не унимался:

— Нет, не годен для границы. Туберкулезна кому-нибудь пойдет: за милую душу сожрет! А на границу — не годен!

— Слушай, ты, алкаш, а ну дергай отсюда по холодку! — взбесился Мишка.

— Ты чё, паря? Я шесть лет на границе...

— Скороходик завел старую, всем известную песню. — Через мои руки их десятки прошло. Чё я... Не знаю. Вот они, гляди! — Дядя Юра показал ладони. — Брала диверсантов! — Перебросил сетку в левую руку, а правую выставил вперед и наглядно сжал в кулак. — Маленький! Сухонький! Врежет — смерть!

Тут встрял Валё:

— Я тоже думаю, что на границе эта лоснящаяся тварь не сможет.

— Ты-то куда, шкет?

— А что? Да мой Тарзан вон, дворняга простая, твоего пса, как котенка, уделает.

— Веди, посмотрим. Пограничники...

Валё сбегал за Тарзаном. Вот говорят: собака похожа на своего хозяина — и точно! Тарзан какой-то пегий, лохматый, с удивленными глазами, вечно срывается с цепи и шастает по помойкам, смешно гоняется за своим хвостом. И у Валё волосы торчком, домой не загонишь, а летом — первый мастер по огородам.

Мишка и Жульбарс — оба важные, степенные.

Собаки сцепились. Жульбарс сразу Тарзана подмял, а потом стал использовать свой коварный дрессированный прием: схватил зубами сверху за шею. Но тут-то и сказался известный каждому характер хозяина. Тарзан завизжал, рванулся, отскочил в сторону, оскалился, глаза налились, и бросился на своего противника с такой яростью, что двум Жульбарсам не устоять. Еле оттащили...

Валё — надежный человек. Может, с ним поговорить насчет козы? Они с матерью без

отца живут, она для него ничего не жалеет. Валё попросит — мама ему не откажет. Точнее, «мамочка», как он её зовёт. А «мамой» зовёт тётю свою, которая тоже с ними живёт.

В школе его не было, и Витька решил узнать, в чем дело, а заодно...

Переулок, в котором живет Валё, проходит таким образом, что одна сторона на горе, а другая — под горой. Валё живет на горе, а внизу, напротив, — Павлик Жиркин. Дом у его родителей огромный, кирпичный, с красивыми узорными воротами, с гаражом. Вообще-то, фамилия у них Протасовы, но все зовут Жиркины.

Валё закатывал к себе на горку автомобильную крышку. Три там уже лежало.

— О! Витька! — обрадовался он. — Пойдём на Гоголевскую быстрее, я там две крышки видел. Одна вкопана, правда, но мы лопату возьмём. На, закатывай, — передал крышку Витьке и побежал в сарай.

Валё, когда даже просто идёт, — кажется, бежит. Просто говорит — а кажется, кричит. А уж если дело какое задумает — глаза горят так, будто это самое важное в жизни дело.

— Зачем тебе?

— Надо. Пойдём! — по дороге он объяснил: — Буржуев будем бить. Натаскаем шин, а потом с горки будем пускать, Жиркиным ворота раздолбим!

Витька почувствовал, как ослабли колени.

— А если Жиркины выскочат?

— Уехали. С утра машину тёр, тёр... Потом сели и укатали, Павлика не взяли. — Валё говорил взахлёб: больно нравилась ему задумка.

— Так он дома? — насторожился Витька.

— Ну, дома, — Валё усмехнулся: — Долго теперь дома будет сидеть...

— А чего?

— Да-а...

Одну крышку, вкопанную у палисадника (чтоб машины рядом не ездили), бабка Горошиха не дала, затарахтела на всю улицу. Другую, с обгоревшими боками, благополучно выудили из лужи, прикатали в переулок, закатали наверх.

Валё прошёлся, примерился, откуда лучше действовать. Витька не хотел долбить Жирки-

ным ворота и немножко затосковал. С горы хорошо были видны луга. Витька показал на разросшийся у реки ивняк:

— Ты знаешь, козы ивы грызть любят...

— А?

— Иву, говорю, козы грызть любят...

— А-а-а... Черт с ними, пусть любят... — Валё поставил шину на попа.

— Может, не надо... — сказал Витька.

Валё посмотрел, будто не узнал, — как на чумного посмотрел. Ну, точно, чёрт в ступе! Вернее, чёрт на горе. Ни слова не говоря, толкнул шину вниз... Она раскатилась, красиво подпрыгивая на кочках, и глухо стукнулась в ворота.

Витьке стало жутко. Валё радовался как младенец.

И полетели одна за другой остальные покрывки. Ворота не поддавались. Покрывки ударились, издавали «ух!» и, немного потанцевав, падали. Когда последняя покрывка не достигла желанной цели, Валё не унялся, пуше прежнего распалился, принялся опять закатывать их по одной на гору.

Витьке ничего не оставалось делать, как помогать ему. Отговаривать было бесполезно: Валё забирал азарт. Первая же покрывка в новой атаке заставила хрустнуть задвижку, вторая распахнула ворота и въехала на бетонированный двор.

На крыльцо выскочил Павлик с большим куском хлеба с маслом:

— Сорок один, ем один! — прокричал он первым делом.

Так водилось среди мальчишек: если успел сказать «сорок один» — твоё, а если кто-то опередил и прокричал «сорок восемь — половину просим» — половину отдай.

Жиркин, откусив крупный ломоть и прожёвывая, погрозил мясистым кулаком:

— Посмотрим ещё, тебе ещё попадёт!.. — кричал он гундливо: вечно у него нос заложен.

Витька заметил, что левый глаз у него сильно прищурен.

— Я Орлу скажу, он тебе ещё покажет!.. Мы тебя ещё подловим! — доносились снизу угрозы.

Валё не обращал внимания.

— Пойдем! — позвал он Витьку.

Повернулся и, засунув руки в карманы, направился в дом. Витька поплелся за ним. Что будет за эту проделку? Отец узнает — на улицу не пустит. Какая уж тут коза! И вечно так: с Валё свяжешься — впутаешься в историю.

Грехов на Валё — и своих, и чужих, приписанных, — значится много. Всё началось во втором классе. Валё обвинили в том, что он воровал пирожки в буфете. Его таскали в учительскую, разбирали на собрании. Валё отпирался, плакал. Наконец завуч нашёл к нему подход — остался с глазу на глаз и сказал: «Если признаешься, мы родителям сообщать не будем, если нет, то придется вызывать. Ну... Лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Валё подумал и признался. Тогда завуч поинтересовался, как он это делал. Валё растерялся, молчал... «Не хочешь говорить, пойдём, покажешь». А буфет в школе из досок сколочен, вокруг трубы отопления — пустое пространство квадратиком, небольшое, едва рука входит. Пришли. Валё осмотрелся и раскрыл свой секрет: длинную палку с гвоздём на конце просовывал в эту дырку, накалывал пирожок и вытаскивал. «А кто научил тебя так делать? Нам известно кто, но хотелось бы, чтобы ты сам сказал... Сколько ты ему пирожков дал?..»

Завучу бы следователем работать. Он кого хочешь на чистую воду выведет. Правда, похож он очень на шпиона: тоже тёмные очки носит. Сидит на уроке, смотрит сквозь тёмные окуляры — жуть наводит. И ногти обрабатывает — то пилочкой их точит, то щипчиками кусает. Узорными, что ли, он их делает?.. Нет, это же надо — каждый день! Может, быстрорастущие какие?..

В то время Витька мало знал Валё. Как другие, но тоже считал его вором. А потом оказалось, всё было иначе. Мать Валё работает в столовой. Принесла пирожков, Валё сложил их в портфель, притащил в школу и раздал одноклассникам: он всегда всё раздает. Продащица из школьного буфета то ли недо-

считалась полученных пирожков, то ли просто увидела, как Валё пирожки раздаёт, вот и сделала вывод. А Валё правду говорить не захотел, боялся: мамочку вызовут, ей придётся объясняться, да ну его! Вот и «признался». Ловко про палку с гвоздём сочинил...

С тех пор все шишки летят на Валё. У Жиркиных часы пропали. Кто заходил? Валё. Сроду не был, а тут зашёл. Зачем? Конечно, сташить что-нибудь. К матери его бегали, в школу ходили. Часы потом дома же у себя нашли, за что-то завалились.

А зимой Валё украл лыжи... Действительно украл, и вот чудо: об этом никто, кроме двух-трёх друзей, не узнал. Было так: сломал он лыжи, новые, по тем временам самые классные: на ботинках, «слоеные» — мамочка для единственного сына денег не пожалела! С лыж все мальчишки Телецкого переулка, что называется, не слезили всю зиму. Переулочок шёл под гору волнами, под более крутыми скатами устраивали трамплины. Но Валё этого было мало! От ворот домов по переулочку хозяева чистили снег, со временем получался коридор выше человеческого роста. И вот он, разогнавшись с горки, решил прыгнуть с первого сугроба, пролететь над этим очищенным пространством и приземлиться на второй сугроб. Чуть недолетел. Лыжи и хрусть. Витька, может быть, тоже бы попробовал, но ему отец за сломанные лыжи такого ремня насыпет! А у Валё его мама Клава только запричитала: «Целы ноги?!» Мамочка тоже не ругала, но покупать сыну новые лыжи отказалась. Остался Валё среди зимы без лыж, что делать? Стибрил он лыжи в любимой школе номер семь, где стояли они, беговые, в отдельной спортивной комнате. Закрасил эмблемы на изогнутых концах и, как крупный конспиратор, явился на ближайшие школьные соревнования. Крепления немножко не подходили к ботинкам, но все равно лыжи держались. Достался ему номер девять, стартовал (бежали один за другим с интервалом в пятнадцать секунд), а пришёл — лыжи в лыжи — сразу за номером один. Девочки-болельщицы в ладоши били, кричали «Ура»!

Физрук Александр Николаевич, щёлкнув секундомером, похвалил за результат и спокойно так сказал, чтобы лыжи поставил туда, где взял, — надо будет, он выдаст. И ничего, никакого осуждения или назидания.

Валё прошиб стыд. Сделал как было сказано. Александра Николаевича мальчишки в школе очень почитали: он тренировал и баскетболистов, и лыжников, и гимнастов, а ещё учил стрелять из «мелкашки»: раньше он был военным. И помнил наизусть все мировые рекорды.

— ...Валё, снова же к твоей мамочке придут, — осторожно замечает Витька.

Валё замер, присел даже. Задумался, до него, кажется, только что дошло, а уж тысячу раз можно было понять: такие шутки просто не кончаются! Надо сказать, Валё очень мать свою любит! Горя приносит ей немало, но и любит! Мамочка без ругани посмотрит на него и вздохнёт: думать, мол, надо, сынок, прежде чем делать. Валё в такие минуты готов убить себя, уничтожить, клянётся, повторяет: всё, последний раз, больше не обидит мать, не доставит страданий! А мать души в нём не чаёт! И отрадно ей, когда встречает она учительницу математики. Лидия Павловна хвалит Валё, способностям его удивляется.

Как-то Лидия Павловна устроила соревнования на уроке алгебры — кто быстрее решит? Первые два ряда, где сидели отличники и хорошисты, выставили своих претендентов. А третий, где собралась вся «отпетая шантрапа», — Валё. Доску разлиновали на три части, дали задание. Пока двое других ещё раздумывали, Валё молниеносно отстучал мелом по доске и развернулся к классу. Лидия Павловна распростёрла к нему руки, успев сказать: «Молодец!»

Шантрапа ликовала!

Победитель постучал себя в грудь и потёр ладонями о живот, измазав школьный пиджак мелом.

— Ты что, обезьян, по груди себя хлещешь? — всплеснула руками Лидия Павловна. — На тебе всё чистенькое, всё проглаженное, мамочка о тебе заботится, а ты?.. Как чушка!

Валё на миг остолбенел. Схватил тряпку и вытер мел. А тряпка-то мокрая!

В классе хохот!

— Таких, как Карпов, преступный мир ждёт! — подвела учитель итог математических состязаний.

Но это она так, для остротки. После контрольной по геометрии Лидия Павловна объявила, что из первого варианта только два ученика выполнили задание правильно. Показала классу тетради — расположение фигур, цифр и знаков на листах совпадали, как две фотографии с одного кадра. Но главное — поперёк страниц была одинаковая ненужная решению черта. На одной, чуть с хвостиком на конце, когда человека толкнули, и он черкнул. На другой — старательно проведённая. Учительница повернула тетради к классу: на обложках значились фамилии Карпова и Протасова — Валик сидел на парте перед Валё, и всем было ясно, кто у кого сдул.

Лидия Павловна от души смеялась. И весь класс обхохотывался.

— Обоим — колы! Одному — чтобы не списывал. Другому — чтобы списывать не давал. — Толкнула Валё кончиками пальцев в лоб. — Ты же учёным настоящим можешь стать! Математиком! Дурья твоя башка!

...Валё смотрел на развалившиеся ворота Протасовых.

— Пошли ремонтировать, с Жиркиным как-нибудь помиримся, — решает он.

Между прочим, у Валё с Павликом из-за матери разлад начался. Не из-за матери, а... Ну, в общем, пел Павлик песню:

*Мы скоро в бой пойдем
За суп с картошкой.
И повара убьем
Столовой ложкой.*

Дурацкие слова, но мать-то у Валё — повар. Он попросил Павлика замолчать, тот специально стал поддразнивать. Знал: неприятно человеку, а дразнил. Валё уперся в Жиркина глазами...

Толстого Павлика, завалившегося меж лежащих грудой в переулке брёвен, пришлось

друзьям просто отнимать из рук худощавого Валё. Хотя Жиркин был его сильнее и несколько раз выжимал штангу, сделанную из чурок и лома, которую Валё мог только вытолкнуть. Но какой-то он верткий, ловкий больно. Только Орлов с Гоголевской может устоять против Валё. Так того бояться и не любят, а Валё не бояться и любят, знают: над ним можно беззлобно похохмить, он не обидится. Иногда хохмят — и злобно, с ехидцей. Стоит Валё назвать «Ладкин», он сразу срывается в драку. Соседские ребята с улицы сами так его никогда не назовут, но подучить кого-нибудь могут. Двух-трёх, чтобы с разных сторон: «Ладкин», «Ладкин». Валё и мечется туда-сюда. А мальчишкам смешно! Витька знает, что «Ладкин» — это фамилия отца Валё. В разрезе только один Валё без отца, но чего уж так беситься, если назвали?!

А часто он не замечает подвоха. Что он только не вытворял «на спор»! По снегу босиком ходил, с крыши прыгал...

Вот в апреле сволочь Орлов подзудил его по-пластунски, как это делали партизаны в кино, проползти по луже! Вторая мама Валё — мама Клава — называла лужу «лыва». И Валё так сказал: «лыва». Красиво — лыва, лавина. По-старинному. Но Орлов стал насмехаться:

— Лыва! Ха-ха-ха, колхоз-молхоз!

И Валё чего-то вдруг застыдился.

— А вот по этой лыве кто может, как партизан, по-пластунски проползти? Двадцатик на кон ставлю! Слабо?!

Валё и купился, пополз по-пластунски. Еще не успел лед стаять! Вылез мокрый, взял блестящую монету и кинул в эту же лужу. Что он доказать хотел? Кому? Орлову?! Разве он поймёт? Посмеётся, и только!..

Валё и Витька сколачивают засов к воротам. Витька мнется, что-то хочет сказать... Наконец спрашивает:

— Ты пил молоко козье?

— Не-а.

— Вкусное, полезнее коровьего!

— Тебе чего сегодня эти козы дались?

— Да так...

Валё молчит, сосредоточенно трудится.

— А вот если козу купить, представляешь! Молоко было бы, шерсть! А потом... м-мясо...

Валё посмотрел так, будто Витька с луны свалился.

— А шкуру — на дублёнку?

— Ну!.. — говорит Витька. — Козу приобрести было бы хорошо. Сарай у вас есть...

— Лучше уж крокодила. И поселить его у Жиркиных! А из шкуры портфель Жиркин-старший сошьёт!..

Валё любил позубоскальничать над Жиркиными. Теперь же особенно злился, оттого что пришлось сколачивать их засов.

— Не понимаю, — продолжал он, — как ими милиция не заинтересуется? Он же кладовщиком работает, у него зарплата шестьдесят рублей!

Витька удивился — так же говорил и его отец. Только добавил: вот он получает в три раза больше Протасова, а машину купить не может.

Засов сбили, пошли поставить на прежнее место.

— А я серьёзно насчет козы... — Витька каким-то шестым чувством угадывал: настало время и надо сказать напрямик. — Мы будем с ней в лес ходить, траву косить! Я сам за ней буду ухаживать. Но мне не купят... А тебе... если бы ты мамочку попросил... А? Она потом оправдывает себя!

Витька говорил сбивчиво, но серьёзно. Ему очень хотелось ухаживать за козой.

— Хы... Коза! Её же надо доить?!

— Я сам буду! Я буду всё сам делать! И убирать!

То ли желание Витькино передалось Валё, то ли ещё что, и ему захотелось покосить траву для козы. И сараюшка пустовать не будет. А главное, чертовски захотелось сделать Витьке приятное.

— Я поговорю с мамочкой.

Добрый Валё парень. Добрее доброго, просто нужен к нему подход. Нет, не то, так все говорят. Это у завуча «подход», а к нему надо без подходов, нормально, по-человечески, с открытым сердцем!

Если подняться по переулку Телецкому или выйти из лесу, справа от татарских могил, на зеленой поляночке можно увидеть двух мальчишек. Около них бегают маленькая козочка: беленькая, пушистая, с едва проклюнувшимися рожками.

Вечером прошел дождь, за ночь земля просохла, лужицы остались только на дороге, в колее. Мальчишки сидят без маек, подставив спины солнцу: плечистый, с тихими глазами и жилистый, лохматый. Они смотрят на козу Майку. Та беззаботно щиплет травку, иногда поглядывает на своих друзей, как бы говоря: «Странно, а почему вы не делаете то же самое? Это так вкусно!»

Плечистый улыбнулся жилистому: вот, мол, чудачка. Тот тоже улыбнулся в ответ, одними губами. Сегодня Валё какой-то задумчивый, молчаливый.

— Козы долго живут? — спросил он,

— Не знаю точно, — ответил Витька.

— Меньше человека?

— Меньше, конечно.

Откуда-то со стороны чёрной тенью выплыл Скороходик. Подошёл к мальчишкам, поглядел на них твердо, почти трезво и даже презрительно. Вытянул из кармана замусоленный червонец и гордо просипел:

— Вы таких денег сроду не видывали! Вам их век не заработать! — Сунул бумажку обратно, сжал челюсть и двинулся вперед. С десяткой в кармане он казался себе миллионером.

Мальчишки гоготнули.

Скороходик не оглянулся. Уходил своей единственной тропой туда, к разъезду, где толстая тётя в грязном фартуке торгует дешевой разливухой,

— Чего он так пьёт? Хороший, вообще-то, человек, — сказал Витька.

— Спойли. Он же классный столяр был. Делал людям, те подавали.

Около молодого сосняка тощая скороходиковская спина крупно затряслась, он закашлялся...

— Папа говорит, не жилец он, долго не протянет.

— Хы! Сколько помню, все соседи так говорят, а он — ничего, кашляет.

Валё встал, прошёлся, пиная что-то невидимое в траве. Сорвал ромашку, хлестнул себе по коленке, подошёл к луже, посмотрел на своё отражение. Постоял, подумал:

— Витька, — обратился он как-то затаённо, — у тебя сестра красивая?

— Не знаю.

— А чего ты знаешь?!

— Вроде ничего... Красивая, говорят.

— Ты бы хотел, чтоб тебе сейчас стало шестнадцать?

— Не знаю, — совсем растерялся Витька. — Нет, наверно.

— А я бы хотел.

— Зачем?

— Сильным сразу станешь, большим, и вообще...

— Это четыре года выкидывать из жизни.

— Да чёрт с ними! — Валё резко повернулся, сделал несколько шагов. Что-то давило к земле худое его тело.

Сел на корточки, уткнулся лицом в колени.

Витька видел только спину, но многое поняло его чуткое сердце.

— Валё, чего ты? Валё!

— Да так. Нервный просто я... Психованный...

Майка подняла голову, посмотрела на Валё и подошла к луже.

— Смотри! Смотри! — вскричал Витька.

Отражение в луже Майке не понравилось: она отпрыгнула назад и наставила рога. Подумав, настороженно протянула мордочку, с интересом и удивлением поглядела на незнакомое существо в воде, снова недоверчиво отскочила и бекнула. Мальчишки покатались по траве, корчась от смеха: такая уж смешная была эта Майка!

— За мной! — вскочил один.

— За мной! — поднялся другой.

Мальчишки бегали, кувыркались на траве, гикали, смеялись. За ними носилась маленькая беленькая козочка с едва проклюнувшимися рожками!

Хвоистые ветви царапали Скороходиду щёки. Он этого не замечал. Стоя меж сосенок,

восхищенно смотрел на опушку и неудержимо, извиваясь всем телом, до слез в глазах смеялся.

Вдруг Валё резко остановился и замер. Шагнул назад и спрятался за куст.

По опушке шла Витькина сестра рядом с парнишкой-ровесником — лет шестнадцати — Мишкой Звягинцевым. Она была в модной короткой юбочке, а он — в узких брюках трубочкой, какие стали носить вместо широких штанов молодые парни.

Вернувшись домой, друзья тоже решили стать модными. Валё поставил на стол швейную машинку, решительно сделал шов и отрезал лишнее.

— Ты, по-моему, не там прошил? — понял Витька.

Валё примерил штаны — шов был впереди, где должна быть наглаженная складка.

— Ты бы хоть не отрезал, можно было бы вот так по шву распороть...

Степенный Витька понимал: торопится друг во всём. Взрослеть торопится...

На тринадцать лет мамочка устроила сыну в Красногорском большой день рождения, и собравшаяся родня в складчину подарила ему чемодан. По тем временам это была серьезная вещь: дерматиновый чемодан с уголками, обшитыми кожей, с двумя замочками под маленький ключ. Почему чемодан — мальчишке, зачем? Но как в воду глядели! К следующему лету, после седьмого класса, Валё вместе с мамочкой собрались на жительство в Киргизию. К отцу. Пришло время, когда остро захотелось, чтобы, как и у других, он был, отец! До свидания, родня, друзья, Бийск, деревни, лошади и...

Тарзан, извиваясь на цепи, скулил и тывкал, расставаясь с хозяевами. Валё прижался к нему, обнял, погладил. Одно было утешение: дом они продали мамочкиной сестре Анне и дяде Васе, которые перебирались в Бийск, ближе к детям, переехавшим давно. Дядя Вася со своей неизменной козьей ножкой сразу же облюбывал место на скамейке возле сеней. Дом стоял на горе, так что у него,

как прежде на высоком пастбище, обзор был большой: почти всё Заречье и река с высоким правым берегом и взлетающими с него аэропланами.

В Киргизии, там, где поселились, вместо лошадей было много осликов. Когда впервые Валё услышал крик ослика, то подумал, что скрипит несмазанный ворот колодца. Потом уж видел, как ишак вытягивает шею, будто жеребёнок, только не ржёт, а громко, будто в рупор, икает.

ОСЛИК И ТЁПЛОЕ ОЗЕРО

Одних бы их не отпустили. А им страшно хотелось! Все знакомые ребята на Иссык-Куле бывали. Рассказывали, вода там — на двадцатиметровой глубине дно просматривается. Солнце — пятнадцать минут, и ты чёрный! Берегов не видно — море!

Они же с Валеркой Пономарёвым были приезжими: их семьи перекочевали в Киргизию из Сибири в конце прошлого лета. Новенькие в классе, они сдружились так, что их постоянно путали. «Пономарёв, к доске», — говорила учительница и указывала на Карпова. Хотя Валё широкоскулый, курносый, а Пономарёв узколиц, нос прямой и тонкий, щёки впалые и чуть выдвинута челюсть. Правда, имена одинаковые. И обличье: модные тогда брюки со встречными складками и блестящими пуговицами на клёшах, патлатость... Они сразу стали поддерживать марку людей бывалых.

Им было по пятнадцать, Валё даже неполных. Они только что сдали экзамены и получили первый в жизни взрослый документ — свидетельство о неполном среднем образовании!

За минувший год друзья почти догнали своих отцов в росте. Почувствовали силёнку в теле, тем более что не на шутку тренировались. Их не перестали радовать одинаково ясные южные деньки. Никаких туч, проливных дождей и слякоти! Поморосит иногда, но солнце не прячется! А надо полить огород — арыки по кромкам улиц вдоль

заборов. Отвёл рукав на свой участок — поползла по корням прохладная мутная вода. Они еще не знали, как ясность переходит в обморочный зной, когда жухнут и оседают покрытые толстым слоем пыли листья... Это было их первое жаркое лето. Взрослость стучала в виски!

Они с лёгкой душой соврали своим родителям, будто едут на Иссык-Куль со спортивной секцией. Деньги для убедительности не просили — бесплатно, государство заботится о перспективных спортсменах! Родители остались довольны.

Проблема денег на поездку перед ними не стояла. О чём речь? Да они!.. На саманах заработают за неделю сотню только так!

Как делают саманы, они видели. Знали: тысяча саманов стоит двадцать рублей. Слышали: другие делают обычно тысячу за день и считают нормой. Друзья же решили поднапрячься, с утра до ночи, кровь из носу, — делать по полторы тысячи. Три дня — и на Иссык-Куле! «У си-инего, си-инего моря...» Затеей своей поделились с Алёшкой — Алимханом, если по-настоящему. Алёшка часто ездил по округе на ослике верхом и больше всего на свете любил «пеля». Потехи ради парни на улице часто просили его «пеля». И он не видел в том подвоха, улыбался польщённый и пел на уйгурском языке. Ослик вытягивал шею и издавал свой истошный громкий скрипучий вопль, который вовсе не передашь привычным созвучием «иа». Ну, полная умора или, как тогда выражались, полный отпад!

Алёшка также был в посёлке и школе человеком новым. Приехал с матерью и многочисленными младшими братьями, сестрами из Китая. Отец его умер, и семью, по обычаю, взял на содержание брат отца, перевёз к себе. Двоюродные братья от Алёшки отмахивались, почитая его если не придурком, то никчемным. Были они щеголями, хорошо говорили по-русски, хотя, как и все уйгуры в округе, переехали из китайского города Урумчи в Советский Союз лет восемь-девять назад. Связываться с ними, поднаторевшими саманщиками, не хотелось — сами с усами! Однако

браться за дело вовсе уж без человека сведущего тоже побаивались.

Алёшка сразу согласился войти в пай, заверил, что он «делиль много-много», а братья «делиль маля-маля».

Хозяйка, к которой пришла троица поджаряться саманить, как-то доверительно стала им жаловаться, что наняла одних горесаманщиков: те ковырялись-ковырялись, сделали маленько и бросили, а лето идёт, надо строить... У вас-то, мол, есть навык? Валё с Валеркой внимательно посмотрели друг на друга, будто бы спрашивали: есть у тебя? Но они были не одни. Алёшка говорил плохо, но с большой верой. И чем больше коверкал слова, тем выходило убедительнее. Подрядились на восемь тысяч саманов. Как водится, харч свой.

Хорошо, что уже была готова яма для замеса. Не придется рубить кетменями и снимать верхний сухой слой каменистой почвы. Так рассуждали, сидя на булыжниках возле этой ямы, Валерка Пономарёв и Валё Карпов.

Они не приступили к работе на рассвете, как собирались. Оба проспали. Алёшка же до сих пор не появлялся. Ходили к его дому, свистели — выглядывала чумазая пацанва, ничего не отвечая, пряталась. Без Алёшки замес делать не решались.

Солнце пекло, морило от ожидания. Повспоминали всякими неласковыми словами Алёшку, решили начинать. Скинули рубахи, закатали выше колен штаны, прыгнули в яму, стали махать кетменями, отваливая ломти жёлтой глины.

Принесли воды из арыка, вылили в яму. Размякшие ломти глины разваливали, раздавливали кетменями, месили.

Валерка Пономарёв подтащил форму: продолговатый, сколоченный из досок ящик с тремя перегородками — четырьмя ячейками. Топориком нарубили соломы. Насыпали рубленой соломы в форму. Валё зачерпнул кетменем, наполнил форму раствором. Валерка отволол крюком форму с раствором подальше на ровную площадку. Перевернул... Не выва-

ливались. Постучал по дну, потряс... Всё комом.

— Надо же было в воду форму окунать, дурак! — ударил себя Валерка по лбу.

Валё тем временем успел наполнить вторую форму. Теперь вытрясал глину обратно.

— Вода, вода надо, густой глина! — Красавчик писанный Алёшка восседал на ослике.

Чёрная прядь винтом на лбу, улыбка, обнажающая до дёсен ряд мелких, ровных, белых зубов с тонкой полоской усиков над детской губой. И большие доверительные глаза с красноватыми белками.

— К тётя ходила, больной, — светился он радостью.

Как на него обижаться?

Друзья побросали орудия труда, чтобы поглаживать ослика. Плешивого, со скатавшейся шерстью на животе и наростах на ногах. Но с таким же, как у хозяина, доверительным выражением глаз.

— Садиля, — предложил Алёшка, указывая на покрытую стёганой накидкой спину осла.

Пономарёв залез, потыкал в бока ослика пятками — тот ни с места. Валё уселся — то же самое. Ишак есть ишак!

Стали добавлять в замес воды — Валерка подносит, Валё кетменем раскатывает. Алёшка определяет, «маля-маля» говорит. Спец! Уж хлопнуть стало под ногами, булькать. «Вода много налила, — с укором сказал спец, — глина добавляй».

Наконец раствор был доведён до нормы. Валерка, теперь не забыв окунуть форму в воду, потрусил сверху соломы. Валё наполнил. Он оттащил, перевернул. Осторожно, медленно потянул на себя, поднял — на земле остались лежать четыре ровненьких глиняных брусочка. Четыре первых, самостоятельно сделанных самана! Пойдёт дело!

Да не тут-то было. В следующей партии два самана не получились, будто обгрызенные с углов — не до конца заполнили ячейки формы глиной. Опять пришлось собирать их кетменём и относить в яму.

Саманы то получались, то вдруг переставали выпадать из формы или выпадали раньше

времени, когда Валерка только начинал переворачивать, и ломались. Соскабливали кучи с земли, несли обратно.

Валё бы так накладывал потихоньку да накладывал, как мог. Но Алёшка показал — как надо. Черпанул и стряхнул с лету глину в форму. Ничего не скажешь — ловко! Валё думал, он немного почерпает, коли так хорошо умеет. Но он забрызгал малость брюки — поношенные, коротковатые, но все же добрые ещё брюки, не для работы. Вернул кетмень и стал добиваться от друзей чёткости движений.

Алёшка входил в раж, нравилось ему передавать своё редкостное умение, летал от одного к другому, объяснял, подсказывал.

— Не так деляля, не так деляля... — звенело над ухом колокольчиком.

Накипало желание заткнуть учителю рот куском глины. Но так он вроде от всего сердца старался, чтобы лучше получалось, что даже намекнуть: мол, пора тебе, парень, и самому поработать, было неловко.

— Давай я понакладываю, — взялся за кетмень Валерка Пономарёв. И, как человек в сравнении с Валё более степенный, обратился к Алёшке: — Пусть он отдохнет, а то тяжело же накладывать... Я понакладываю, а ты потаскай.

Формы было три, поэтому все могли участвовать в работе без простоя. Пока Алёшка оттаскивал, подходил Валё, цеплял крюком наполненную форму, оставлял свободную... Как только Алёшка начал не показывать, а работать — куда подевалась вся его сноровка и точность! Саманы он не только портил, умудрялся даже ломать уже готовые, подсыхающие. Перевернёт форму и угодит как раз в предыдущий ряд! Сразу приуныл, спал с лица. Валё стал догадываться, почему двоюродные братья никогда не брали его саманить. Но это была поздняя догадка.

Вдруг откуда-то со стороны хозяйского двора раздался залиvistый знакомый смех. Алёшка качался на веревочных, привязанных к тополям качелях.

— Ай да качеля! — крикнул он. И запел.

Пел он, словно был в степи где-то, один,

когда некого стесняться и привольно душе. Слов друзья не понимали, но и без того было ясно, что поёт Алёшка о том, как хорошо жить на белом свете!

Валерка Пономарёв отплёвывал попавшую на зубы глину, смотрел на него, не разделяя восторга.

К приходу хозяйки было сделано около трехсот саманов. Соскоблив друг с друга насохшие глиняные ошметки, ополоснувшись по пояс в мутном арыке, уставшие до смерти, друзья не без гордого чувства глянули на плоды своего труда — саманы, пусть их и не полторы тысячи, занимали внушительную площадь!

На следующий день Алёшка уехал с утра лечить зуб и больше не появился. Карпова с Пономарёвым тренированные тела ломило, без побряхтывания поначалу не могли согнуться. Молча и угнетенно копошились около ямы с замесом: накладывали, оттаскивали, переворачивали. Постепенно размялись, разработались и выдали к вечеру количество, которому суждено было остаться рекордным, — четыреста штук! В конце третьего дня хозяйка их рассчитала: «Вы так всё лето провозитесь... Завтра другие придут...» Они хоть с виду и насупились, но в душе были рады: не надо больше делать саманы, глаза бы на них не смотрели! За сделанную тысячу получили две десятки. Что же, две десятки, конечно, не сотня, но тоже немалые деньги! Можно развернуться!

Вдруг откуда ни возмись — Алёшка! На этот раз у него «мама болель». Ему и трёшки не причиталось, но решили — пусть три. Надо было разменять десятку. Попросили хозяйку — нечем. Больше нигде. И Алёшка решил проблему просто. Взял десятку и сказал: «Мама болель, деньга лекарство нет. Мама завтра будет получить, я отдавала».

Алёшку назавтра друзья дома так и не застали. «Ходила», — с такой же, как у Алёшки, смущённой и светлой улыбкой кивнула куда-то вдаль его мать, держа у бедра непосильно для «больной» огромную посудину. Друзья смутно стали подозревать, что трудовые, нужные так денежки тоже «ходила». Не хлопай ушами, как говорят ученые люди.

Десятки на дорогу до Иссык-Куля хватало. Но на что-то ещё надо жить и возвращаться... Прежде думали: при случае там подзаработают. Теперь эта уверенность поугасла.

И у друзей, устремлённых к берегу Тёплого озера — так переводится Иссык-Куль с киргизского, — возник новый план. «Дело — верняк», — говорили они.

Фруктовая пора ещё не наступила: только начал созревать белый налив и была на подходе грушовка. Яблоки на городском базаре стоили пока дорого — по южным, конечно, понятиям. Огороды на задах их прилегающего к городу посёлка были даже не все огорожены. Большей частью разделялись меж собой неглубоким рвом — арыком или густыми рядами вишни.

Они выбрали огороженный сад, узрев в нём белый налив. Валерка остался на пустыре в зарослях полыни и репейника. Валё — весь из себя ухарь! — пошёл на дело. Пригнувшись, осматриваясь, прокрался к изгороди, хотел было перемахнуть, но обнаружил калитку. Снял крючок с внутренней стороны, вошёл. Стало даже неинтересно. В Сибири забраться в сад — это да! Заборы двухметровые, с заостренными штакетинами! А поверху ещё проволока колючая пущена! И волкодав вдоль забора бегаёт, цепью звенит! Сады в Сибири редкость, иная цена яблоку. А здесь у каждого сад, даже сейчас, в начале сезона, яблоки дешевле картошки. Чего особо стеречь?!

Оглянулся. Валеркина голова высунулась из репейника. Вид у него был весьма напуганный. Валё махнул: всё, мол, в порядке, исчезни. Глаз не сводя с крыльца дома, ступая на полусогнутых, он проследовал к дереву с белыми яблоками. Стал торопливо рвать и совать за пазуху. Однако с земли он мог достать немного. Залезать на дерево — боязно, ветка отломится. Начал подпрыгивать, держа левой рукой низ рубахи, чтобы не выпали яблоки. Вдруг услышал сдавленное, но, как ему показалось, жутко зычное: «Тряхони!» Присел, ожидая, что сейчас на крыльцо выскочат... Никого. Потряс ствол — яблоки с шумом посыпались. Падают в первую очередь червивые

и спелые. Но белый налив слишком мягкое яблоко, трести бы не надо, на месте удара сразу же темнеет, портится...

Хозяйку Валё увидел, собирая. Она с чашей сбегала с крыльца. Успел понять, что пока его не замечает. Юркнул за кусты малины. И тут же раздался свист! В той стороне, где был пустырь, сияло два ярких пятна: утреннее солнце на небосводе и Валеркина белая голова среди репейника! Валё вжался, прилип к земле и всеми помыслами кричал: убери башку, смойся с глаз!..

Осторожно выглянул из-за малинника — хозяйка преспокойно собирала огурцы. Наполнила чашу и пошла себе. Было самое время убраться. Но Валё показался себе очень ловким — не воришкой-огородником, а кем-то вроде разведчика, способного действовать перед самым носом у противника. Дополз до яблони, стал собирать оставшиеся падалицы. И опять выскочила хозяйка. Он шмыгнул за прежнее укрытие. И снова с пустыря раздался запоздалый свист. Но женщине, видно, и в голову не приходило, что кто-то может забраться в огород, да ещё утром!.. Нащипала луку и умчалась: она быстро ходила, молодая.

Потом Пономарёв совершал вылазку в другой огород, а Валё остался в репейнике. Зорко следил за тем местом, откуда могли появиться хозяева, — из-за виноградника у дома выхода не было видно. Оказалось, наблюдая из-за репейника, волнуешься куда больше, чем там, в огороде. Несколько раз ловил себя, что голова его так же, как прежде у друга, то и дело попусту торчит — с любого места в огороде заметна.

Пономарёв, запыхавшийся от возбуждения, встав на колени, вывалил из-за пазухи яблоки в мешок.

В третий огород отправились вместе. Мешок оставили: что его сидеть стеречь?

Осваивались в деле. Не суетились уже, не мельтешили. Подумали: а чего это туда-сюда ходить? Носить в этих пазухах? Высыпали на землю то, что было, и пошли прямо с мешком. Из огорода в огород: с миру по нитке — голому рубаха.

Яблоки незнакомых сортов пробовали. Наткнулись на большое дерево, усыпанное красными терпкими яблоками. Залезли, рвали бережно, с разбором — чай, на продажу!

Хозяину, конечно, ничего не стоило их поймать. Но, увидев на ветках двух здоровых остолопов, наверно, растерялся.

Он как-то очень недоуменно спросил: «Вы кто такие?» Друзья ничего не ответили. Попадали с веток и дали такого дёру! А надо заметить: бегали они хорошо — среди трёх восьмых классов имели лучшие результаты. Пономарёв через год выполнил норму кандидата по велоспорту! Но тут, пожалуй, даже немного перестарались, ибо через какое-то мгновение обнаружили себя за три квартала, аж у самого БЧК — Большого Чуйского канала. А главное, второпях забыли под яблоней мешок...

Пощарапанные, в репьях!.. У Валё в патлатых волосах колючка застряла. Пономарёв раздирал по волоску, выскабливал, но над ухом так и осталась висеть сосулька. Было, впрочем, не до этих пустяков.

Вернулись на пустырь. Мешка, оставленного в саду под яблоней, не было. Да если и был бы, они не дураки за ним лезть — на живца не возьмёшь! Но небольшая кучка яблок в репейнике сохранилась.

Совершать набеги на чужие сады что-то расхотелось. Что они, мелюзга какая? Взрослые люди! И по садам, в самом деле... У них свои сады!

И тут пришла в их взрослые головы гениальная идея! Сокрушительно простая — как раньше не додумались?! Действительно, всё гениальное просто. У Валё сейчас дома — никого! У Пономарёва — только брат младший. Яблоки в их садах — не с теми красненькими равнять! Белый налив! Любое — с кулак! Мягкие, можно языком жевать! Налитые, на солнце зерна просматриваются! А грушовка! Жестковатая пока, но сладкая! На зубах похрустывает! А запах!.. Вот! Что надо — запах!

Они дважды отвозили по полмешка яблок на базар. Отдавали оптом за полцены старухе торговке. Еще червонец зашуршал в кармане. Достался он много легче первого.

Им нравилась лёгкая жизнь. Друзья казались себе настоящими деловыми чуваками! А деловыми называли в их округе умельцев легко раздобыть деньги. Лёгкие пути в жизни виделись самыми разумными. Раздвигающая границы жизнь больших городов приоткрывала им, паренькам с окраины, прежде всего широкую возможность развлечений. Понятно, требующих денег. Развлечения эти представлялись как верх счастья в человеческом существовании. А они были рождены для счастья! Им об этом немало говорили с первого класса. Пережитки были истреблены. Трудностей довольно хлебнули их родители, часто из уст которых вырывалось «отдохновенное»: «Теперь-то чего не жить...» — «Были бы деньги, — поправляли отсталых родителей отпрыски, — жить можно».

Возвращаясь с базара, они посмеивались в том духе, что, появившись сейчас Алёшка и попроси денег, потому как вся родня «болель», — они не дадут! Они из него вытрясут — перевернут вверх ногами и всё из карманов вытрясут!

Но Алёшка знал, когда появляться.

Недостающую, по их представлениям, на путешествие десятку решили раздобыть совсем просто — взять у родителей. По пятёрке дадут, не заподозрят.

Итого тридцать четыре рубля насчитывала их касса вместе с теми, что получали в эти дни на кино.

Обременять себя вещами не стали, покидали в рюкзаки плавки, пару тонких одеял, яблок немного, чтоб там зря не тратиться. Палатку взял Пономарёв у дяди — собственно, с того всё и началось, что палатка есть. А раз есть, надо куда-то отправляться!

Маленький пазик круто развернулся на привокзальной площади-стоянке, выбежал на улицу и помчался в сторону Исык-Куля!

Скоро минули черту города, и друзья прилипли к окну: махали руками, вскрикивали, указывали пальцами и гоготали! Пассажиры, наверное, принимали их за хулиганов. А они всего-навсего проезжали по своему посёлку!

Посёлок отделяла от города самая обыкновенная улица. Одна её сторона была городом, а другая — посёлком. Человек несведущий, не успеет он прочитать на перекрёстке надпись «Колхоз им. Куйбышева», не заметил бы, как выехали за черту города. Да ему это было и ни к чему.

Это им было интересно. За окном мелькали знакомые дома, люди, парни и девчонки «нашенские»! И они всему радовались! Крикнуть хотелось всем: остаётесь! А мы, смотрите, мы всё же по-о-ехали-и!

Дорога до Иссык-Куля не пролежала вдоль отвесных скал, по кромке бездонной пропасти, какие показывают в кино. Но крутые виражи на гребнях ущелья были, и насыпь обочин местами круто обрывалась вниз — туда, где шумела горная река. Валё, выгнув колесом грудь, привскакивал, мол, вид-дали дор-роги... Чуйский тракт на Алтае! Перевал Чекет-Аман! Одно название — будто атаман! Там крутизна! Машина ползёт, ползёт вверх... Дорога из щебёнки: по бетонированной не поднимется, будет соскальзывать. Зимой и по щебёнке без цепей на колёсах делать нечего! Узкая, почти вровень ширине машины! Чтобы разехаться, одна машина на прямом участке склона прижимается к скале, другая почти впритирку медленно проезжает по краю. К скале-то прижиматься ещё ничего, а вот когда едешь по краю... Как глянешь туда, за окошко — жуть! Кажется, колёса уже нависли, чуть зацепись машины кузовами, и все...

Может быть, люди на соседних сиденьях его и слышали, но друг вряд ли. В горах он был впервые. Продолговатое его лицо ещё больше вытянулось и очень посерьезнело. При всём хладнокровии и природной сдержанности, Валерка невольно чуть отодвинулся от окна и вцепился в поручни на сиденье впереди. Иногда он вслед за другом тоже привставал и, ещё больше отстраняясь от окна, заглядывал вглубь ущелья. Обращивался к Валё с легкой ошалелой улыбкой, как бы говоря: «Вот это да!» Что ему было до какого-то Чекет-Амана, когда тут свои ужасы рядом! А если представить, что откажут тормоза или рулевое управление?..

Да и Валё скоро надоела его снисходительность. Боязно, радостно и удивительно было ведь не меньше, чем другу. Он больше от восторга и прикрикивал-то на сиденье!

Они ехали по горам, которые прежде видели только из долины — призрачными, словно бы парящими. На Алтае горы в основном поросшие лесом. Здесь — голые, скалистые, лишь в некоторых ложбинах виднелся лес. Могли рассмотреть и громадные каменные россыпи на склонах, слепящие ледники на дальних гребнях, которые казались сродни неведомым звездным мирам.

Вдруг на скалистом выступе увидели горного козла! Метнулись в его сторону и только в следующую секунду поняли, что он ненастоящий. Гипсовый, но здорово разукрашенный под натурального. Гипсовых скульптур попадалось ещё много.

Голубая полоса Тёплого озера показалась возвышающейся над домами города Рыбачье и линией горизонта. Словно погустевшее небо стоямя!

Валё был готов тут же выйти из автобуса и бежать к воде, к морю! Но Пономарёв, более степенный и рассудительный, припомнил: в Рыбачьем, рассказывали, ветра, место высокое, надо ехать туда, куда взяли билет. В Чолпон-Ата.

В сибирских селах и городах обычно растительности немного, зато вокруг населённых пунктов лес. И когда Валё впервые из окна вагона среди пористых, довольно голых пространств видел вдруг вдаль клочок буйной растительности, думал, вон роща какая-то... Подъезжали, и роща оказывалась железнодорожной станцией.

Ярким, цветасто-зелёным полотном меж снежных гор и берегом Тёплого озера тянулся тот городок, в котором надлежало им выйти. Ветви деревьев по обочинам сходились над дорогой и образовывали тоннель. А бутоны роз на клумбе около автобусной стоянки были величиной со шляпку подсолнуха.

Голопузая ребятня шоколадного загара у остановки автобусов продавала, держа связками в руках, вяленую рыбу.

Местечко Чолпон-Ата тогда еще не считалось курортным. Берега не были застроены и разгорожены заборами пансионатов.

Не было тогда у людей такого количества личного транспорта, чтобы заполнить побережье и оставлять после себя кучи разной дряни, так, что понадобились всякого рода запреты.

Тогда был просторный дикий пляж: длинный разбросанный ряд палаток вдоль берега. По кромке берега пляжа шло строительство из песка. Работали и стар и млад. Лысоватый упитанный дядя в полосатых трусиках ползал на карачках, набирал в пригоршню песочной жижи, затаив дыхание, капал из пригоршни, наращивая шпиль на крепости, и по сосредоточенности был сродни трехлетнему карапузу. Зодчие-песочники соревновались в замысловатости и высоте творений: ни до, ни после Валё не доводилось видеть такого массового увлеченного созидания.

Друзья расположились на дальнем от города крае дикого пляжа, на взгорье, чтоб отовсюду, куда бы ни ушли, могли видеть свою палатку.

Покидали одежду и устремились к воде. Трудно было в полной мере оценить себя, но белокожий и мало поддающийся загару Пономарёв в сравнении с прочими прокопчёнными «дикарями» казался незакрашенным человеческим контуром. Правда, были среди «дикарей» с такими солнечными ожогами, будто от огня! Ну, друзья-то помнили наставления: полчаса и лезь в рубаху. Вазелин с собой захватили. Хотя, иные говорили, на Иссык-Куле как ни берегись, всё равно потом облезешь.

Напёкшуюся под солнцем кожу июньская вода Тёплого озера обожгла студёностью. Входили осторожно, и в первые секунды думалось: сейчас окунуть — и обратно. Ну её, холодрыгу!

Поплыли, и — чудо! Вода перестала быть холодной. Чем дальше от берега, тем прозрачнее. Было удивительно плыть и видеть на глубине под собой подёрнутые илом валуны, водоросли... Они ныряли и там, под водой, как бы изумляясь встрече, протягивали и жали друг другу руки. Выныривали, опять здорова-

лись и смеялись. Набирали воды в рот и, перевернувшись на спину, пускали вверх струйки, изображая таким образом китов. После нарочито усиленно морщились и отплёвывались, показывая, какая ж всё-таки она тут солёная, вода...

Первый раз в жизни они купались в солёной — «морской» — воде!

Ещё немного покупались и отправились в чайхану. Не из чувства голода — не терпелось всё быстрее опробовать. Чайхана располагалась под открытым небом по другую сторону дикого пляжа. Когда мимо проходили, так пахло — слюнки текли!

За одно погляденье на то, как два усатых молодых чайханщика управлялись с делом, стоило платить деньги. Один мотал тесто на лапшу для лагмана — не мешал, а именно мотал. Вращал, как скакалку, полосу теста перед собой, полоса растягивалась и утоньшалась, складывал вдвое, снова вращал, разводя руки шире, шире, почти вразмах, опять складывал и вращал... Движениями лёгкими, отточенными, как в цирке! Другой с неменьшей разворотливостью пёк лепёшки. Печь такую Валё видел впервые: эдакая опрокинутая вверх дном большая пузатая глиняная чаша. Называется — тандыр. Лепёшки пеклись внутри: пришлёпывались прямо к глиняной стенке с внутренней стороны. Пропекаясь, лепёшки сами отваливались и падали на дно тандыра. Чайханщик-пекарь собирал их, пышущие жаром, в стопку и немедленно продавал. Руки не бездействовали ни секунды: одной рукой он протягивал лепёшку, другой уже брал фарфоровый чайник, бросал в него щепотку чая, подавал, отсчитывал сдачу, протягивал лепёшку следующему, склонялся с новой партией к печи...

И оттого, что всё делалось на глазах, слаженно так, споро, лепёшки казались более вкусными. Да на свежем воздухе, да на берегу голубого озера-моря, да под ясным солнцем, среди высоких гор! Чем не райская жизнь?! Разрывали лепёшки — приятно было не резать, а именно разрывать их, тугие и горячие, — на части, смачно жевали, прихлёбывая несладкий чай из пиалы...

Насытившись, под стать прочему люду, друзья принялись сооружать замки из песка. Но хватило их ненадолго: знать, не дозрели ещё до пляжного райского, умиротворенного созидания. С большим удовольствием порушили свои неказистые постройки.

Побежали вдоль косы по отмели. Разгонялись и прыгали с косы на глубину, пытались делать кульбиты, шлепались, отбивая животы и спины.

Вода на отмели была намного теплее, как подогретая. Валились, распугивая стаи мальков и взбучивая песок со дна, «принимали тёплые ванны». Решили обследовать берег в стороне от дикого пляжа — был он там завораживающе безлюдным. Побрели по отмели, вышли на обжигающую ступни каменную россыпь. Пономарёв прыгнул на большой валун, и Валё увидел, как что-то метнулось из-под камня, длинное вроде, вильнуло... В следующую секунду они уже оба видели: змея стремительно проползла по мелкой гальке и опять скрылась в больших камнях.

Их как ветром сдуло на песок.

Но человек любознателен. Вернулись к камням. На этот раз змею увидели в воде. Плыла, держа голову над поверхностью. Но как только заметили её, сразу ушла под воду, вглубь, дальше от берега. Никаких оранжевых или белых лунообразных пятен за висками у неё вроде не было. Знали: безобидные ужи должны быть с пятнышками. А что это за змеи?.. Принялись бомбить камнями. Не потому, что по-мальчишески хотелось кинуть и попасть, — весь вид змеи, извивающейся, хвостатой, вызывал чувство какого-то омерзительного подспудного страха. Здорово, видно, от всякой хвостатой твари доставалось предкам: подспудный страх, против любой логики, вызывает и, скажем, маленькая, но хвостатая мышь. Атака не удалась. Змея в воде мигом уплыла и скрылась из виду. А бежать за ней по камням не хотелось. Держа камни наизготове, стали ждать другую жертву.

В памяти вдруг всплыл рассказ Алёшки-уйгура. Будто бы какой-то человек убил змеиных детёнышей, и мать за этим человеком ста-

ла охотиться. Выследила где-то в другом ауле, куда человек в страхе бежал, и прямо в доме укусила.

Пономарёв был менее склонен верить во всё то, от чего хоть немного потягивало сверхъестественным. Сквозь ухмылку припомнил со своей стороны уж вовсе небылицу: как змея каждый день приползала к солдату на посту, изогнувшись, стояла и смотрела... Солдат чуть с ума не сошёл, начальству рассказал, ему не поверили, в больницу отвезли, она туда приползала и смотрела с подоконника. В конце концов, солдат умер, и на его могиле нашли змею.

Разрезали, а сердце у змеи оказалось чelовечье, девичье. С девичьим сердцем это было, конечно, круто загнuto. Друзья хохотали — вон поползла, с девичьим сердцем...

Неожиданно в кустарнике за каменной россыпью Валё узнал... облепиху. Быть того не могло, он подошёл чуть ближе — Валё считал, что облепиха растёт лишь на Алтае — с разных концов страны приезжали туда за облепиховым маслом! Нет, и здесь полно!

Только хотел поделиться с другом, смотри, мол, облепиха!.. Почувствовал вдруг на себе взгляд. Ну, может, потом показалось, будто почувствовал прежде, чем увидел.

Метрах в пяти, изогнувшись так, что голова была довольно высоко над землей, стояла змея и смотрела... Чудилось, прямо в глаза. И взгляд человеческий. Валё ощутил в себе странную нерешительность.

Змея же несколько раз высунула свой длинный раздвоенный язык. Он знал: яд у змей не в языке, а в верхних зубах, но язык тоже не сулил ничего доброго. Предупреждает, подумал.

Здоровенная булыга опередила все его помыслы. Шлёпнулась весомо, но мимо цели. Змея даже и не очень торопливо уползла в камни. Как бы давала понять, что ещё вернётся.

Валерка намеревался всё же довести дело до конца, выследить. А у Валё эти переглядки с ползучей тварью как-то отбили желание кидаться камнями.

Он поделился с другом соображением: оказывается, змеи действительно, как в той сказке про солдата, могут подползать и смотреть. С девичьим сердцем пусть выдумки, но взгляды то осмысленный... Вот что поразительно!

— Ну, всё! Теперь она тебя достанет, — уцепился Пономарёв. — Домой приедешь, раз — утром проснешься, а она на тебя с подоконника... — он изобразил рукой, как змея на подоконнике будет покачиваться, — смотрит... Глаз не может отвести! Ха-ха... Ему нравился собственный юмор. А Валё нечего было отвечать — попался. Вот и делись с человеком серьёзными мыслями.

— Да, Валё, — вздыхал Пономарёв сочувственно, — полюбила тебя змея! Придётся жениться, а то ведь — цап! — и кранты. Вот паспорт получишь... А чё, клево! Идешь по городу, она рядом ползёт — все шарахаются!..

— Сейчас ты поползёшь и будешь шарахаться... вон по тем камням, — пообещал Валё другу. Драться они никогда не дрались. Но ссориться — бывало.

Может, и поссорились бы маленько, но оглянулись: около тех камней, с которых их как ветром сдуло, преспокойно стояли двое мальчишек. Один держал перед собой извивающуюся змею. Мальчишки по виду были местные, прокопчённого загара. Хотя тот, что без змеи, с головой льняно-белой.

Этот второй, беленький, растянул в руках носовой платок, сунул его змее в рот. И резко дёрнул. Наклонился, как бы осматривая нёбо змеи.

Валё знал, как лишают яда змею, удаляя зубы. Многие мальчишки, южные старожилы, ловили змей на канале, прямо за огородами. Приносили в школу, пугали девочек — это ж какое удовольствие, когда они визжат! Ну, Валё с Пономарёвым относились к подобным забавам, конечно, свысока — детство...

— Не боитесь, укусят? — спросил Валё пацанят.

Ладно, держали змею в руках, но ведь они стояли среди камней, где тварей этих полно?!

— Они не кусаются, — повернул к ним круглое лицо со смолянисто-чёрным чубом державший змею.

— А зачем жало выдёргиваете тогда?

— Чтоб не укусила, — ответил он же невозмутимо.

— Надо? Покупайте, — предложил беленький.

Деловые ребята!

— Спасибо, сами кушайте, — сказал язвительно настроенный Пономарёв.

Мальчишка сунул змею за пазуху и смешливо задёргался.

Друзья гоготнули.

— А может, эти какие-нибудь не ядовитые? — предположил Валё вслух.

— А ты чё, правда думал, что ядовитые, что ли? Ужи это, скорее всего, — спокойно и насмешливо проговорил Пономарёв.

И дальше стал изумлять своими познаниями: ужи, мол, обычно живут рядом с водоёмами, в деревенских прудах, даже на уток и гусей забираются, катаются. А что касается пятнышек над бровями, то их может и не быть, разные же есть виды.

— Что же ты сразу не сказал! — Валё застыдился своего страха, коли были перед ними всего ужи. Пономарёв вырастал в его глазах!

— У неё на лбу не написано, уж или нет. Кабы я точно знал. А то скорчишься потом... Может, это и не ужи...

Валё представился тот раздвоенный язык, взгляд... Жуть по телу. А ужи, говорят, молоко любят, мышей ловят, детей от других змей спасают...

— Вот что точно знаю, — продолжал изумлять его друг, — так это, если проснешься и увидишь вдруг рядом или на себе змею — не шевелись. Она сама уползает. Они ночью на тепло приходят греться.

Друг допёк неожиданной запоздалой подкованностью, настала пора и Валё позубоскалить:

— Ага, проснёшься вот завтра, а на тебе змея... Ты будешь лежать, лежать, а она греться на тебе, греться. День лежишь, два... А я тут загораю!..

— А я — ей: «Кыш, пошла!..»

Как только друзья отошли от камней подалее, то здорово осмелели по отношению

к змеям. Да и к прочей нечисти, какая может встретиться на пути. И вообще, чем ближе к вечеру, чем дольше жили самостоятельной жизнью, тем больше крепло у них уважение к себе и ощущение собственной силы. Не какие-нибудь, мол, слюнтяи и маменькины сынки!

И когда в сумерках собралась сама собой вокруг костра и гитары молодёжь, стали знакомиться — были не только из Киргизии, но и из соседних республик, — Валё представился: «Тренер». Вечерами его вполне принимали за семнадцатилетнего. Рядом сидела девушка с телом золотисто-кофейного загара. Она даже стала расспрашивать, дескать, из института физкультуры, заочник? У неё там тоже учился какой-то знакомый. И Валё отвечал, пытаясь держаться, как его тренер, сдержанно, улыбочиво. Школьные учителя казались или очень заполошными, или неприступными. Надоели руганью и одинаковыми нравоучениями. А тренер был простой, свой человек, настоящий, сильный мужчина. Спокойно говорил: «Споткнулся в бою противник — никогда не пользуйтесь», «Руки и ноги должны быть сильными, но побеждает характер». Валё хотел стать тренером.

Пономарёву больше шестнадцати не давали, поэтому он назвал себя учащимся техникума. А может, как всегда, просто трезвее мыслил, помнил, что настанет утро.

Ту золотисто-кофейную девушку и её подругу друзья проводили до их палатки, пожелали спокойной ночи.

Среди гор после захода солнца жара быстро сменяется прохладой. Пока сидели и прогуливались, немножко озябли. В душное тепло прогретой за день палатки влезали они совершенно счастливые. Это надо же, таких девушек, взрослых, настоящих уже девушек, можно сказать, провожали домой! Скорее, и не озноб вовсе пробирал, а осознание момента!

Расстелили одеяла, застегнули вход у палатки, чтоб, не забыли посмеяться, не заползла какая-нибудь тварь погреться. В углы, у изголовья, так, чтоб удобно было схватить, положили туристский топорик, бог весть зачем привезённый, и раскрытый складной нож.

Это уж для охраны от другой твари, на всякий случай, мало ли...

Не спалось. Душа пела!

Поговорили о мотоциклах «Ява», которые обязательно купят. О чём тайно думал Пономарёв, неведомо, Валё же переживал минуты отчаянной уверенности, что теперь там, дома, станет со всеми девчонками вести себя легко и запросто. А особенно — с Любой. Просто сразу же вечером придёт к ней, вызовет...

В классе оба друга корчили из себя выдавших виды: как же, бывали уже на танцах в городском парке культуры, прогуливались по так называемому «Броду» вечерами — одной из центральных улиц города. Причастились к какой-то иной, не этой вот школьной, детской жизни. К взрослой, красивой, какая могла быть только там, в центре, где кинотеатры, рестораны и квартиры с удобствами.

Сердечная же привязанность Карпова была как раз рядом, училась в их классе. Люба. Невысокая, с волнистыми, как бы взбитыми, светло-русыми волосами, с какой-то сонной мягкой поволокой в глазах. Но не мог же Валё, который ведёт уже где-то там взрослую жизнь, начать ухлёстывать за девчонкой-одноклассницей.

На танцах-то они с Пономарёвым бывали, но топтались там обычно друг против дружки. По «Броду» же гуляли — «прошвыривались» — исключительно вдвоём с ним или в кучке таких же «бывалых» ребят. Их нельзя было назвать шпаной: никого не трогали, ходили или стояли кружком с серьёзным, насупленным видом. А если и решались потанцевать или просто подойти, то всё начиналось и оканчивалось словами: «Вас как зовут?» Ответ. «А меня — Алик». Тогда очень были в моде Алики и Эдики.

И Валё не выдавал своих чувств. Ждал повода, чтобы встретиться с Любой где-то на стороне, словно бы невзначай, как если бы она ему была и не нужна вовсе, а вот, по случаю. У него, конечно, этих случаев... Не выдержал, признался... Валерке Пономарёву. И он открыл ему свой секрет: тоже в неё и давно!

Вдвоём стало легче. В классе держались прежними молодцами — никто ничего не подозревал. Валё даже считали чем-то вроде кавалера Любиной подруги, доброй рослой девчонки.

Случай им с Пономарёвым скоро представился. Культпоход в оперный театр. Проследили: Люба деньги на билет сдала. Чего бы, казалось, проще: пойти и друзьям в театр, постараться рядом сесть... Но мысль влюблённых развивалась непостижимо, пути окольные виделись прямыми. Встретить надумали после спектакля. Как бы невзначай опять же.

Оно бы и подъехать к театру надо было попозже. Но друзья явились к началу спектакля. Курточки, брюки клеш... А зима. Хотя и южная, теплая, но зябкая. Влажность. Да и одежда — клеша эти холод прямо-таки загибают. Когда спектакль оканчивается, не знали. Пропустить Любу боялись. Долго ждали этого часа! Вот и курсировали туда-сюда по улице перед театром. До девяти ещё в кинокассах грелись, а после уж было негде. Ну и тянулся же этот спектакль!

Любу всё-таки чуть не упустили. Ушли по улице далековато, обернулись — площадь полна народу. Побежали к автобусной остановке. Увидели, узнали со спины. Шла она, по обыкновению, с подругой. «О-о, девочки! — воскликнули разом. И пристроились по бокам, причём Валё — со стороны подруги. — Откуда так поздно?.. А-а, из театра?.. А мы в кафе были».

Ухажёров знобило, губы одеревенели и не слушались, нужной непосредственной весёлости не было. «Ну и как опера, понравилась?» — спросили. «Понравилась», — ответили девочки. И тема для разговора была исчерпана.

Долго ехали в автобусе. Девочки сидели впереди, а друзья — за ними. Молчали. Но самое неожиданное случилось после.

Дошли до перекрёстка, девочкам нужно было в разные стороны, друзьям же — прямо. Приостановились. Любина подруга глянула в темень своего переулка и сказала: «Может, вы нас проводите, страшно». И посмотрела на Валё. Валё посмотрел на Пономарёва. «Проводим?» — спросил. «Давай», — неопределенно

пожал он плечами. «До свидания», — сказала Люба и побежала. И они пошли провожать её подругу!

Лишь через полгода исправили ошибку. После выпускного вечера отправились провожать Любу. С ней опять по обыкновению была подруга. По пути подруга неожиданно взяла Валё за локоть. Отношения их с виду развивались: как-то, повстречавшись случайно в городском парке, они целый вечер гуляли. Правда, втроем.

Что делать, Валё не знал. Не вырывать же руку. Шагал. Снова настала пора перекрёстка. Люба повернула к себе в переулок. Пономарёв — за ней. Валё чуть помедлил, молча высвободил руку и пошёл за ними, встал с другой стороны.

Так и шли: она — посередине, друзья — по краям. Говорить стало не то что не о чем, просто неловко. Идиотизм какой-то! Неизвестно, что чувствовали Люба и Пономарёв, но Валё ко всему прочему стал казнить стыд перед Любиной подругой: так и представлялось, как она стоит позади, растерянная, обиженная... И оттого особо остро чувствовал боязнь, что как раз здесь, рядом с Любой и Пономарёвым, он и есть третий лишний... Но что делать, не мог же он отказаться... от своего счастья! Их с другом полное во всем единодушие впервые заходило в тупик.

Они пожали поочерёдно Любе руку у калитки. Проговорили что-то вроде: так ты, значит, тут живёшь? Будто не знали. И пошагали обратно. Вместе.

Лёжа дома в постели, Валё думал, как ловко опередит Пономарёва. Нарвет рано утром цветов — охапку! Принесёт, разбросает по дорожке от калитки, воткнёт за наличники окон — проснётся она утром, а в окнах — цветы!..

Тогда ещё не существовало песенки про «Миллион алых роз», о Пиромани он слыхом не слыхивал. Поэтому романтическое желание осыпать свою избранницу цветами не было чем-то навечно, а возникло в глубине его влюблённого сердца. Однако, увы, после сладких дум спалось хорошо, а главное, долго. Да и сама мысль о цветах показалась с

утра не то чтоб полной ерундой, но слишком хлопотным занятием. Он пошёл к Пономарёву, и они стали обмозговывать, как рванут на Иссык-Куль.

Но теперь, когда был прожит день самостоятельной жизни, Валё лежал в палатке и смотрел во тьму, снова виделось, как одарит Любу цветами: вернётся с далеких берегов Тёплого озера, возмужалый, и спокойно, со сдержанной уверенностью протянет ей громадный букет иссык-кульских роз, у которых бутоны — со шляпку подсолнуха!

Проснулись друзья скоро: казалось, не успев глаз сомкнуть. Пробирает насквозь холод. Со стороны Иссык-Куля доносился какой-то странный, равномерно повторяющийся звук: «Ф-ших-х... Ф-ф-ших-х-х...»

— Что это? — на миг перестал Валё дрожать.

— Прибой, — процедил, постукивая зубами, Валерка.

Они кутались, жались друг к другу, засунули ноги в рюкзак. Погружались на время в сон, опять просыпались, ту же закручивались в одеяло. Ругали себя, ненавидели прямо, что не взяли больше тёплой одежды. Им ведь говорили, что ночи на Иссык-Куле холодные. Родители свитера совали, куртку, так ведь нет! Умники! Продрогли до осатанения. Вылезли из палатки и принялись бегать вдоль берега.

Прибой шумел, выкатывал на берег волны, от каменных замков остались кое-где лишь жалкие бугорки. Друзья поочередно играли в осликов, таскали друг друга на спинах: каждый стремился как можно больше провезти, а не проехать.

Наконец стало даже жарко. Светало.

Проснулись к полудню. Палатка опять прогрелась до духоты. День показался ослепляюще ясным. Иссык-Куль — сказочно спокойным. По пляжу ходили разомлевшие люди, рылись в песке. Опять строили замки. купались

Та девушка, золотисто-кофейная, с которой вечером познакомился и которую проводил, поздоровалась в ответ, посмотрев на него

изумлённо. И во взгляде её белесых от солнца глаз он увидел всю свою юную вытянутость и безусость... Точнее, пушок на губе.

Занялись утеплением. Приносили траву, листья, укладывали под дно палатки. Натаскали сухих веток: в случае чего костёр развести.

Вечером знакомые девушки, воротившие днём от друзей-подростков нос, повели себя неожиданно. Сами стали заговаривать, улыбаться. Так, чересчур легко, играючи. Друзья, конечно, не очень-то понимали, что это они от скуки. Купание-то купанием, а парней их возраста было мало. Так хоть с зелёной порослью для компании позабавиться. Тем более вечером-то они ничего, впечатление производили.

Так что на этот раз не только провожали, но и гуляли по берегу, старались быть занимательными. Ничего лучшего не удумали, как с ужасом в голосе рассказывать о всех припомнившихся историях со змеями.

В юности, когда собирались вместе с девчонками, часто разговор заходил о чём-то страшном, чудовищном, сверхъестественном. Ночь, может, располагала тишина, но главное, видимо, те новые, трепетно влекущие к чему-то незнакомому, пугающие чувства. С дрожью в голосе рассказывали, скажем, какую-нибудь историю о девушке во всём белом, которую таксист привёз хмурой жуткой ночью на кладбище, а потом увидел, как та разрывает могилу... Словом, то, что сами называли бабушкиными сказками.

Укладывались в своей палатке с чувством выполненных серьёзных задач.

Пономарёв чуть ткнул Валё локтем. Слышался шёпот. Резкий, отрывистый. Друзья приподнялись. Было ясно: там, за палаткой, один говорил «заходи оттуда», а другой — «нет, лучше отсюда»... Сейчас обрежут верёвки. Что называется, хребтом почувствовали опасность. Валё стал нашаривать в углу складной нож. Валерка взял охотничий топорик. Осторожно, сдерживая сбивающееся дыхание, расстегнули пуговицы на входе. Главное, не выдать себя, не дать понять, что не спят. Высунуться, глянуть — трахнут по голове, и поминай как звали.

Эти, может, только этого и ждут, по обе стороны стоят. Как с низкого спринтерского старта, друзья выскочили один за другим...

С топором и ножом, встав спинами друг к другу, они представляли грозную силу. Но вокруг никого не было.

Было удивительно тихо и пустынно вокруг. Лишь чуть задувал ночной ветерок да начинал плескаться волны на берег Иссык-Куль. Нерезально тихо и пустынно. Они же оба слышали, как шептались и окружали?! Не могло одному и другому послышаться. Разве «дикари» проходили мимо, говорили, а ветер донёс голоса отрывистым перешёптыванием?

— Духи шептались, — засмеялся Пономарёв.

— Надо им что-нибудь положить, задо-
брить.

— Покроши им, Валё, хлебушка, пусть по-
клюют.

На следующий день девушки при встрече поинтересовались, как им спалось. Днём под девичьими взглядами Валё чувствовал себя каким-то полым стебельковым растением, а тут превратился в чугунный монолит. Подумалось: а не они ли вчера разыгрывали? Но Пономарёв уверенно протянул на его подозрения: «Да ну-у...»

Отличаться бы солнечным дням на Тёплом озере лишь тем, что всё сильнее припекало и теплее становилась вода, не повстречайся им ещё один Валера — Валера с портативным магнитофоном.

Друзья плыли на прогулочном теплоходе. С первого дня хотелось на нём поплавать, посмотреть на берег издали, но боялись оставить без присмотра палатку. А порознь неинтересно. Теплоход причаливал неподалёку от дикого пляжа всего на несколько минут и отправлялся дальше. Они устремлялись в воду и качались на его волнах под зазывное гулкое пение из радиорубки:

Пахнет палуба клевером.

Хорошо, как в лесу.

И бумажка приклеена

У тебя на носу.

Как тут сдержаться — не побывать на палубе! Махнули: а-а, ничего, поди, не пропадёт, народ на пляже тихий. Устремились — не без того — ещё и за девушками, заметив, как те побежали на теплоход.

Правда, на теплоходе, среди людей, девушки снова повели себя так, будто незнакомы. Друзей это не опечалило. Переправиться через родную реку на кривобоком катере «Анатолий» для Валё и то было радостью: не только дети — многие взрослые серьёзно верили, что катер специально сделали кривобоким, потому как Анатолий был хромым. А теперь друзья плыли на настоящем корабле! Почти морском, почти по морю! И ветер дул, и солёные брызги били в лицо!

На палубе сразу начались танцы. Друзья тоже немного подёргались, но больше стояли у борта. Было до жути притягательно смотреть на движущуюся поверхность воды, хотя и начинала кружиться голова. Дно просматривалось долго, на огромной глубине. Со дна когда-то, как следовало из рассказа экскурсовода, монголы добывали железо, и озеро в те времена называлось не Тёплым, а Железным. Куда только этих монголов не заносило, удивлялись друзья. Железо тут добывали из ила, скакали по берегам с гиканьем, а теперь они плывут на теплоходе...

Валё всё расписывал другу прелести Телецкого озера на Алтае. Оно, мол, в десятки раз меньше, но красотой не уступает. Иная, суровая красота. Берега — склоны гор, поросшие кедром, с водопадами! Вода тоже чистая, но студёная. На Телецком он в ту пору ещё не бывал, знал понаслышке. Но своим родным краем гордился и не хотел умалять его достоинств перед лицом южных красот. Однако перенеси его в тот же миг на Телецкое озеро, с неменьшим пылом принялся бы рассказывать об Иссык-Куле, ибо этот южный край тоже успел полюбить.

Ему уже приходило в голову: а не стать ли капитаном или моряком? И не где-нибудь на море-океане, а здесь, на Иссык-Куле.

В радиорубке, видно, решили дать людям спокойно оглядеться — а то ведь так можно

всё и протанцевать, выключили музыку. Некоторое время плыли в тишине — лишь гул мотора, плеск воды, разговоры... Ближе к носу теплохода стоял парень с рюкзаком и портативным магнитофоном.

Он так и держался в сторонке, не танцевал, друзья на него давно поглядывали: человек с портативным магнитофоном тогда был редкостью и не мог не привлечь внимания.

Они подошли и поинтересовались: какие записи? Хотелось выказать себя знатоками. Парень нажал на кнопку магнитофона. Под звук гитары прогремел голос:

*Ах, уймись, уймись, тоска,
У меня в груди-и...*

Это было как если бы небо разверзлось и оттуда кто-то, кого давно держат, а он вырывается, прокричал. Валё остро почувствовал: грудь стиснула тоска! Хотя почему бы? Как же... по родине... во сне, бывает, видел горку снежную, пацанов с улицы... Певец — он такого слышал впервые — будоражил тоску и унимал! Весь прогуливающийся на теплоходе лод собрался.

Пел мужик, свой. Простой, хриплый... Да и не пел даже, а словно хватал за грудки своим надрывным голосом и встряхивал!

На братских могилах не ставят крестов...

И лица людей каменели, словно изваяния на тех братских могилах.

*Если друг оказался вдруг,
И не друг, и не враг, а так...*

Ну, у Валё не «так». Друг — что надо. Пусть не «в связке», но вместе приехали, какой вон колотун переносили... И никто не скулил, не ныл.

Палатку не украли, друзья её издали усмотрели, словно бы выбежавшую на пригорок встречать.

Парня с магнитофоном звали тоже Валерой. Ночевать ему было негде: искал каких-то зна-

комых ребят, не нашёл. Друзья, чуть не вприпрыжку от радости, предложили поселиться у них. Будут жить — три Валеры!

В театре, говорят, царя на сцене играют окружающие. Так и в жизни. Валере-третьему или, как он поправлял, Первому было восемнадцать. Взрослый парень! Нельзя сказать, что перед новым другом младшие Валеры как-то преклонялись, тем более пресмыкались. Нет. Скажем, когда Первый очень уж загордился знанием приёмчиков, Валё его несколько раз положил на лопатки — практику наработал в Сибири, в переулке, где жил раньше. Зимой днями напролёт мальчишки с округи играли «в сопку» — сопку, возвышенность, надо было занять, столкнув других. Тут тебе и подсечки, и броски, и кульбиты с вышины!

Стерпеть поражение новый Валера, привыкнув к роли кумира, не мог. В конце концов, заломил Валё мизинец. Тот вскрикнул, и удовлетворённый Первый проговорил: «Вот так, в натуре. Я просто не хотел применять болевой». Валё спорить не стал: пусть утешится — обидно же проиграть малолетке.

Он был неплохим парнем, этот Валера, рябоватый, спокойный, довольно застенчивый крепкий увалень. Друзья верили, когда он рассказывал, как все в округе его знают и уважают: «Врать не буду, мазу я не держу, но против меня никто не тянет». В те годы подростки и молодёжь существовали такими скоплениями с обязательным лидером и своей уличной иерархией.

Достоинств особых не имея, кроме магнитофона, как старший по возрасту, старался казаться прожжённым и значительным.

С появлением Первого жизнь друзей круто изменилась. Теперь вечерами, да и днями народ стекался к их палатке. Они становились центром внимания и вместе с новым другом чувствовали себя редкими людьми. Это было начало воцарения диско-музыки.

Всё бы ничего, не стали бы они, пожалуй, бог знает что из себя строить, но Валера, друг их сердечный, любил... как это говорят, «заложить за воротник». В свои восемнадцать уже почему-то крепко. Младшие друзья настраи-

вались в жизни на спорт и физкультурный институт в недалёком будущем, выпивка им была ни к чему, но типичная в таких случаях фраза: «Вы чё, в натуре, не мужики?» — для подростков с окраины звучала магически.

Ясные солнечные дни потекли какой-то блеклой массой. Они теперь не бегали, а ходили по пляжу неторопливо, хозяевами — никто, конечно, не замечал, что они хозяева. Не смеялись, а хмыкали или гоготали, как настоящие дикари.

С девушками у них двоих, не появившись третий Валера, дела бы, может, дошли и до поцелуев, хотя саму механику поцелуя Валё себе представить не мог. Но жизнь-то двигалась.

Теперь же девушки хоть и приходили слушать записи, однако наедине с ними не оставались, сторонились. Валера Первый начинал сразу липнуть с намёками, мол, как насчёт картошки дров поджарить, ночами вместе теплее... Ладно бы он говорил улыбочиво, легко, а то всё с какими-то ужимками. Или вдруг приложит мокрую ладонь к спине загорающей девушки. Она вскрикивала от неожиданности. Ну, опять же улыбнись он, заговори — так нет же: «хы-хы-хы» — и медленной походкой дальше. Конечно, всё это было напускным, шло от неловкости и застенчивости, желания выглядеть перед младшими друзьями докой во всех житейских делах — без них-то, один, он в стороне стоял. Они понимали: надо бы по-другому с девушками, да ведь не поправишь. Шли вразвалку за старшим.

Магнитофон таскали с собой целыми днями, щёлкали кнопками, перематывали туда-сюда плёнку, заездили записи и свои мозги.

Скоро обнаружилось, что денег у них осталось ровно на отъезд. Валера-дока заверил: «Спокуха. Из Пржевальска наши машины ходят косяком. Все ребята свои». Он говорил, что работает шофёром и тоже ходит в Пржевальск.

Деньги друзья, доверяя старшему товарищу, потратили все до копейки. До вечера ещё протолкались, снялись следующим утром. Завернули в чайхану позавтракать. Старший говорил, что у него кой-какие припасы име-

ются. Всех припасов оказалось пол-литровая банка консервированного борща. Разбавили его водой из титана в пиалах, выхлебали. Было очень вкусно, но мало. Они последнее время нерегулярно питались.

Заняли позицию у обочины дороги, напротив ресторана, лагманной и мангала с жарящимися под открытым небом шашлыками. Там, где останавливались на обед водители.

Был спуск, и тяжёлые машины с затянутыми брезентом кузовами и прицепами появлялись из зелёного тоннеля бесшумно, лишь шаркая шинами о гладкую поверхность дороги.

«Вот наша машина пошла», — говорил Валера, у которого «все ребята свои». «Вот опять наша...» И продолжал недвижно восседать на рюкзаке. «Может, проголосуем», — предлагали друзья. «Я этого не знаю, новичок, наверно». «И этот новенький...» «Может, он знает-то двух-трёх, — начинал подумывать Валё, — тогда долго придётся ждать».

Некоторые машины сворачивали на стоянку. Выскакивали из кабин шофера, шли подзаправиться. Возвращались масляные, раздобревшие, громко хлопали дверцами, круто разворачивались, только их и видели.

От смачного запаха жарящихся шашлыков начинало сосать в желудке. Один Валера всё сидел на рюкзаке, другой — на камне, подложив под себя упакованную палатку. Их лица были очень задумчивы.

Валё не сиделось. Он ходил то вдоль дороги, то по стоянке, заглядывая в кабины, в глаза водителей, словно бы надеялся, что кто-нибудь догадается о их печальном положении и скажет: «Садись, ребята!»

Машины с прицепами, крытые брезентом, совсем перестали проезжать. Валера-шофёр заключил:

— Наверно, вся колонна прошла, в натуре. Это последние были, которые подрыхнуть любят.

Про последних сказал с презрением, как бы давая понять, почему их не знает.

— Теперь до завтра, что ли? — оторопело посмотрел Пономарёв. — Ись-то нечего.

Помолчали, подумали.

— А если в кузов залечь, пока шофёр ест, — предложил Валё.

Пожали плечами. Он и сам не очень представлял, как это втроём с рюкзаками незаметно забраться в кузов? Водители, вскакивая на подножку, обычно в кузов заглядывают.

— Сейчас приду, — сказал Валё многообещающе.

И пошагал по поперечной к дороге улочке. Завернул за угол и вошёл в сад — с задов забора не было. Решил сделать друзьям сюрприз. Подкормить их маленько и самому поесть.

В саду было полно черешни. У них, в долине, черешня уже давно отошла. А здесь, на высокогорье, только набирала зрелость. Варенье из черешни, говорят, не очень. Предпочитают вишню. Но свежая, с ветки, черешня вкуснее.

Сладкая и мясистая!

Вернулся с огромной гирляндой или, точнее, со снижкой черешни — ягода нанизана на прут сросшимися хвостиками.

На том месте, где оставались друзья, одиноко лежал камень. Первое чувство было ошеломляющим — уехали! Но тотчас сообразил: разыгрывают. Уселся на камень и принялся спокойно, со вкусом снимать черешенки с прутика, обсасывать, выплевывать, стараясь угодить подальше. Вот так-то! Прячьтесь сколько хотите!

Он сидел, поплёвывал. За спиной надоедливо журчал арык. А друзья не объявлялись. Косил глазами туда-сюда — не видно. Поднялся, обошёл стоянку. Снова вернулся на камень. Опять, словно ветерок по воде. Пробежал по телу страх, что друзья уехали и он остался один. Но тут же отогнал его. Чтобы уехали — невероятно. Они же знают: у него ни денег, ни знакомых шоферов! Видели, как по переулку пошёл, крикнули бы, если машина подъехала. Вернулись на пляж? Подождали бы...

Еще раз обошёл стоянку, заглянул в лагманную — может, кого встретили, едят. Нет. Запах уксуса и шашлыка бил в нос до головокружения. Валё всё носил черешню в руке, надеясь угостить друзей. Стал есть, уже не медля, не показно. Пусть пеняют на себя, раз куда-то исчезли.

Машины проезжали, трогались со стоянки, а он всё ходил кругами, поедая черешню и никак не мог взять в толк: где могут быть друзья?! Испарились они, что ли! Оставалось одно — милиция. Он даже себя по лбу ударил. Как сразу не догадался! Документов у Валерки Пономарёва нет, есть ли они у другого Валеры — неизвестно! Да и вообще этот Валерка — тёмная личность. Говорил, шофёр, а кто права видел? Восемнадцать лет — когда выучиться успел? На руке наколка... На пальцах — год рождения. Точнее, на мизинце вместо последней цифры — вопросительный знак. Откуда у него магнитофон? Денег на еду с собой не было! Магнитофоны бывают не у таких парней — с модной причёской. А у этого причёска рабоче-крестьянская, волосы даже чересчур коротковаты... Пьёт. Стащил, поди, у кого-нибудь магнитофон-то?! И теперь попался!

Валё порадовался своей логике: пусть хоть запоздало, но раскусил этого Валеру и в ситуации разобрался. Как же Валерке-то Пономарёву? Припишут ещё, что вдвоём?

В отделение милиции заходить было страшновато. Да и что он спросит? Двоих тут с магнитофоном не приводили? Позаглядывал в окна. Стёкла хорошо отражали лицо. Из отделения вышел плотный, плечистый милиционер. Валё сразу пошагал себе — такой непосредственный, независимый. Милиционер ничего не заподозрил. Только он удалился, Валё вернулся, тихонько поднялся на ступеньки, прислонился к стенке около двери — ничего не было слышно. Огляделся, приблизил ухо к самой щели — никаких признаков жизни. Решил чуть приоткрыть. Потянул на себя — не идёт. Дёрнул — заперто. Стал заглядывать в окна не таясь, приближаясь вплотную. Стол, стул, шкаф... Или там совсем никого нет, или товарищей заперли в какую-то отдельную каталажку. Чуть отошёл, скосив взгляд на улицу; рот — к окну, крикнул: «Пономарёв!» Словно бы заскрипела несмазанная дверь, заголосил ишак в упряжке, вытягивая шею и наставляя свой гортанный рупор в сторону отделения милиции, словно тоже пытался докричаться до Пономарёва. Валё мужественно прошёлся

вдоль стены с очень непосредственным видом, ещё раз крикнул. Ответил только осёл, явно желая поддержать разговор. Валё на него смотрел, как на собственное отражение или двойника. Это же он осёл! Ждёт, переживает: да кому они нужны, эти Валеры, забирать их?! Надо было бы, давно поймали. На пляже всем глаза с этим магнитофоном намозолили!

Кружились мысли, кружился по городку и Валё, никак не в силах поверить, что друзья взяли и уехали. Побывал на диком пляже. И всюду лишь одно: нет друзей и умопомрачительный запах шашлыка. И ослиное напоминание о собственной участи: прямо как кушшка какая — заладил и не смолкает.

На стоянке машин столкнулся с тем плотным, плечистым милиционером. Шарахнулся было в сторону, потом сообразил, что тот не видел, как он заглядывал в окна и орал. Однако на этот раз милиционер посмотрел на него пристальнее, прищурив свои узкие глаза.

Начинало смеркаться. Машины по тракту в сторону Рыбачьего проходили совсем редко. Шашлыки уже не жарили, но, стоило глянуть на мангал, подлое воображение рисовало, как снимает зубами кусок мяса с шампура. Ждать бессмысленно. «Бессмысленно», — с удивлением открыв в слове какой-то жестокий, чудовищный смысл, твердил он себе. И все-таки не покидала надежда, что друзья появятся. Откуда-нибудь возьмут и появятся. Вот сейчас вдруг раз — и... И опускались руки. «Если друг оказался вдруг», — кричал из души откуда-то надрывный голос. «И не друг, и не враг, а так...» Заплакать хотелось. Надо как-то выбираться! Скоро стемнеет, со склонов поползёт холод. А он в плетёнках, в брюках и футболке с короткими рукавами. «Если друг оказался...»

На стоянке было две машины. В кузове одной меж задним бортом и грузом — уложенными друг на друга массивными ящиками — оставалось пространство. Как раз в ширину тела. Залечь, водитель туда заглядывать не станет. Подтянулся, занёс ногу на борт... Ободрённое к опасности чувство подсказало: на крутых подъёмах ящики могут ползти назад, к борту. Спрыгнул.

К другой машине подходил мастерового вида шофёр с мальчиком лет двенадцати. Надо было решаться. Тем более водитель с ребёнком, с сыном, наверное, добрее. Предложит в залог часы, пришла мысль, а после выкупит. Часы «Юность» ему подарили на память перед отъездом в Киргизию родственники.

— Вы не до Фрунзе? — спросил Валё кротко.

— До Рыбачьего.

— Возьмите.

Хоть до Рыбачьего добраться! Там есть здание автовокзала, может, на ночь не запирается? Может, ещё и автобусы ходят?

Радостно было захлопнуть за собой дверцу. Чувствовать, как тронулась машина, развернулась и покатила... Одна беда: часы не мог водителю отдать, надо же как-то дальше добираться?

Он сидел рядом с его сыном и всё настраивался заговорить. Объяснить ситуацию: деньги, мол, вышлю, не волнуйтесь. Язык не поворачивался. Глянет на водителя — такой мощный; руки что ноги, суровый. Молчит всю дорогу. Сыну кивком отвечает или короткими «ну», «нет», хотя сына, видно, любит, с собой возит, на вопросы не сердится.

Подъезжали к Рыбачьему. Валё сидел ни жив ни мёртв. По пути заговорить так и не решился, а теперь было поздно. Вдруг машина резко свернула.

— Нам сюда, — указал водитель на открытые ворота гаража.

Валё открыл дверцу, спрыгнул и потрусил, чувствуя спиной тяжёлый взгляд.

— Эй! А платить кто будет?! — крикнул шофёр.

— Понимаете, меня обокрали... Оставьте адрес, я пришлю, — затараторил Валё давно крутившиеся на языке слова.

— Иди! Вышлет он!.. — зло оборвал тот лепет водитель. — Надо было сразу говорить...

— Да нет. Правда... Понимаете...

Дверца с силой захлопнулась, и машина резко рванула с места.

И Валё тоже рванул! В другую сторону. Обошло-ось! Так просто обошло-ось! Ура-а-а!

Вход в здание автовокзала оказался не закрытым, но от этого было не легче: двери в зал ожидания заперты, а на лестничной цементированной площадке не очень-то полежишь. Можно только стоять. Или сидеть на перилах. Всё, конечно, не на улице.

Он вышел в ночной город. История с водителем отчего-то придала уверенности и сил. У него уже был опыт согревания в холодной исык-кульской ночи. По городу он стал бегать.

Хватило ненадолго: на пути попалась освещённая витрина продовольственного магазина. Что-то ему больше не доводилось видеть, чтобы на уличной витрине лежали палки и кольца колбасы. На той витрине колбаса была уложена пирамидками. Руку протяни и бери. Лишь стекло отделяет.

Мелькнула грешная мысль, он даже испугался, сколь настойчивым был позыв. Устыдился: в Ленинграде во время блокады люди так голодали! А он день не поел нормально, уже дурь берёт!

Взведенность на протяжении дня дала знать. Отяжелели руки-ноги, напала слабость. Доволочился опять до вокзала. Посидел в углу, меж стеной и решеткой перил, подрожал в полудрёме. Хотелось лечь. Вышел, скрючился на ребристой скамейке.

Стальной зрачок озера смотрел на него в проём домов. Не Тёплое озеро, Железное, правильно! И не потому, что железо добывали, — так монголы его называли. Спали они, наверное, мало, а ночью оно — железное!

«Фш-ш-их-х, фш-ших-х...» — зловеще шипело Железное озеро. С гор вместе с прохладой спускались, наползали, пробирали насквозь смуть и темень. Светили мертвенной россыпью звезды — Золотая орда! И все было таким огромным, величественным, всесильным, бесконечным, а он лежал такой крохотный, слабый, никчемный... Ничего не значащее в этом мире существо! Окоченей сию секунду, и ничего не изменится! Всё будет так же сиять, отсвечивать, плескаться...

«Зачем?!» — возопила душа на всю эту тёмную, светящуюся бесконечность. Зачем же тогда он, наделённый разумом?

Зачем стремления, спорт, свидетельство о восьмилетнем образовании? Зачем вообще столько лет сидел за партой, лучше бы по веткам прыгал, привык к холоду и не думал «зачем».

Зачем всё это вокруг, бездумное, неживое, но вечное или почти вечное, а он, осознающий, живой, но вот простудится сейчас, заболит и... Ничего от него не останется. Только мамочка будет плакать, не выдержит, наверное. И тоже... Зачем?! Зачем?! Зачем научили его понятиям «совесть, честь, дружба»?.. «Если друг оказался вдруг...» Зачем так надрываешься, певец? Что хочешь доказать? Уехали, и всё! Ничего не надо, ничего не хочет, никаких разумных устремлений, завоеваний, положений. Забиться куда-нибудь в нору, поесть и спать... «Ах, уймись, уймись тоска...» Да кончится ли когда-нибудь эта ночь?!

Поднялся, побрёл. Надо же что-то предпринимать. Стена. Высокая глиняная стена с неровной, обсосанной дождями кромкой. Древние руины.

Полез на стену, цепляясь за выбоины.

Зачем?!

В кино не раз видел, как герои, оказавшись в сложной ситуации, находят кров и пищу где-нибудь в подzemелье или старом полуразрушенном замке. Взбираясь на стену ночью, он, несмотря на холод, голод и терзания души, отчасти представлял себя человеком, то крадущимся в таинственный старый замок, то штурмующим неприступную крепость.

Выглянул из-за стены: множество крохотных полумесяцев поблёскивали из темноты снизу под светом полумесяца небесного. Мусульманское кладбище! Заметь Валё кресты — наверное, пробрала бы жуть, потому как с крестами, а не с полумесяцами связаны страшные кладбищенские рассказы, которые знал. Да и похорон с полумесяцами не видел. Обычно обращал внимание на мусульманские могилки как на что-то непривычное, странное, экзотическое. На этот же раз, среди ночи, один, в смятении глядя сверху, со стены, Валё оцепенел. Полумесяцы и домики на могилах — маленькие храмы с полуовальными сводами

— находились будто бы не на земле, а где-то в отдалённом пространстве. Поблёскивая и белея, они постепенно взбирались ввысь и растворялись в плотной мгле, в провале, который ещё выше тусклыми светящимися точками переходил в яркое звездное небо. Он был внутри замкнутой сияющей окружности, всю безмерность которой, казалось, вмещал в себя.

Осторожно спустился и, забыв на время о холоде, не обращая внимания на дрожь, пошёл в какой-то странной светлой печали к жилым высотным домам.

Ему мало доводилось бывать в высотных благоустроенных домах. Поэтому не знал, можно ли найти в них укрытие. Дошёл, стал обходить один, другой... Увидел открытую дверь не в подъезд, а рядом, вниз по ступенькам, из проёма которой сочился свет. Спустился, заглянул. Первое, что увидел, — аквариум с подсветкой. Трубы по стенам. Старый диван. И никого! Дверь за собой прикрыл, подумал было задвинуть засов. Не стал. Кто-то, видно, тут работает, дежурит. Вернётся, дергать начнет, ещё милицию вызывает.

Посидел на диване, прилёг. Не переставал следить за дверью. Дрёма забирала, спохватывался, размыкал веки. Вспомнил Любу и желание покорить её розами... Но без остроты и тоски. Лицо Любы виделось чужим, с кисло опущенными уголками губ. А розы, разбросанные от калитки до крыльца её дома, представлялись похожими на осенние, пожухлые желто-красные листья. Всё это к нему, лежащему в подвале на продавленном пружинном диване, не имело никакого отношения. Словно бы какой-то другой человек хотел осыпать девушку цветами, хотел что-нибудь привезти с Иссык-Куля, но так ничего и не сделал. Как прочие волнения, желания, скажем, иметь мотоцикл «Яву» и магнитофон, воспринимались отстранёнными, неважными.

Надрывный страстный голос певца, рвущийся из динамика магнитофона, в последние дни не покидал его. Но только теперь он надрывался, переходил в хрипоту и рычание не от хулиганского удалства, а оттого, что за-

хлёбывался просторами жизни. «На братских могилах не ставят крестов...» К виденному мусульманскому кладбищу слова эти не имели никакого отношения. Но сияли перед взором резные и рисованные полумесяцы под полумесяцем небесным.

Он не мог знать, что голос этот будет сопутствовать взрослению его поколения. Но в минуты эти неосознанно чувствовал в нём отчаяние и веру! Размах и раскаяние! Всю общую тоску и дикарскую жажду жизни!

Рыбки в аквариуме с позеленевшими стеклами, перепутав день и ночь, кучились возле подсветки.

Отчетливо услышал, как кто-то вошёл. Шофёр, с которым доехали до Рыбачьего: руки что ноги. Вскочил... Никого. Так же аквариум стоял, подсветка горела. В щели меж косяком и дверью — светло. Показалось, долго проспал. Глянул на часы — чуть больше часа. А в теле бодрость, голова ясная, чистая!

Наступало утро! У-утро-о! Светлое, дышащее теплом. Хотя солнце ещё не поднялось, лишь пробивалось сиянием между далёких горных зубьев. Озеру его слабые пока лучи придали особую, словно бы подсинённую, обновлённую утреннюю яркость. Так и захотелось, несмотря на прохладу, добежать и окунуться. От ночных счётов и обид не осталось и следа. Что-то ликующее поселилось в душе! Душа будто бы распаивалась во всю ширь небесную! На крыльях, что называется, летел к автовокзалу, немножко ощущая себя человеком, на долю которого выпали тяжкие испытания, и он их с честью выдержал.

Возле здания автовокзала уже стояло несколько человек. В чувствах заговорил, и выяснилось, что до Фрунзе ходят и поезда. Открывалась новая перспектива жизни: на товарняке, на крыше или между вагонами — и никаких денег не надо!

Он подходил к железнодорожному тупику, как из-за разрозненных цепочек стоящих на путях вагонов выкатился товарный состав. Прыгая через рельсы и шпалы, выбежал к пути, по которому шёл этот товарняк. Помчался за вагоном с приступкой и лесенкой на

торце. Состав набирал скорость, Валё же достиг предельной. Некоторое время двигался вровень, совсем близко от скобы-ручки на углу вагона. Нужно было в порыве ухватиться и заскочить на ступеньку... Могло, конечно, вертануть — скорость большая — и под колёса! Ночью, в ожесточении, в обиде на друга и на всю жизнь, просто вне себя от холода и голода, он бы без сомнения прыгнул. Пожалуй, прыгнул бы, ухарства ради, судьбу пытая, и раньше, до минувшей ночи. Но теперь, пережив чувство потерянности и зыбкости всего сущего во вселенской этой темени, которая сразу оцепляет душу одинокого, брошенного человека, начинает всасывать в свою бесконечную темень, — обыкновенное утреннее тепло и ясность стали родными: как это говорят, бесценным даром жизни! Ж-изни-и!..

Несмотря на подведённый от голода живот, он чувствовал в себе утреннюю синеву и прозрачность Тёплого озера. И вдруг совать голову под колёса... Да лучше пешком пойти, ползком... Тем более, неизвестно, куда этот поезд идёт?

Начал отставать. Однако все же был наказан за сомнения на бегу, запнулся и впахался локтями в землю. В воздухе старался маневрировать, чтобы упасть подальше от колес. Ободрался сильно.

— Слава тебе господи, упал, — заговорила пожилая женщина с красным флажком, когда он проходил мимо. — Вся за тебя перепугалась. Думаю, крикну — хуже полезет. Недавно один вот так вот угодил...

В глубине души он немного стыдился перед собой, что струсил. Слова женщины, признающие опасность, жалостливые, были приятны.

— А куда этот поезд? До Фрунзе, нет? — надеялся он себя совсем утешить.

— Они все тут до Фрунзе.

— И сколько идёт?

— Сколько... Всяко бывает. Смотря груз какой. Может, на какой-нибудь станции встать и день простоять. Так-то всё больше сутки идут.

— Сутки?! Автобус за три часа доходит!

С лёгким сердцем отправился на автовокзал. Вот бы запрыгнул в поезд! Пусть даже удачно — сутки на ветру, голодный!..

— Мест нет, — ответил водитель автобуса, едва взглянув на дешёвые часы.

На заднем сиденье свободные места были. Валё слышал, как несколькими людям без билетов он сказал, чтоб подождали. Ещё поклянчил, всё протягивая ему часы в боковое открытое окошечко, но водитель лишь посоветовал обратиться в милицию. Отвёл потускневший с утра взгляд и, облокотясь на руль, стал смотреть вдаль.

В следующий рейсовый автобус Валё пытался прорваться без объяснений вместе с теми, кто подсаживался после проверки контролёром билетов. Прошёл уже в салон, но водитель его вернул и выставил, как ни потрясал он часами, ни клялся, что расплатится по приезде. Видок, конечно, у него: грязный, нечесаный, поцарапанный. Не уехал он и на третьем автобусе.

Отправился на развилку дороги к выезду из города. Людей там, голосующих попуткам, было изрядно. Надежды уехать никакой. К останавливающимся машинам подбегало несколько человек, все с деньгами, а он с часами в залог. Опять жизнь показывала фигу. Надвигалось отчаяние. Оставался один выход: дойти до бензозаправки, постараться незаметно запрыгнуть в кузов, пока машину заправляют.

Вдруг остановился маленький автобус «газик», дверца прямо перед ним распахнулась.

— Кому — Фрунзе! — крикнул водитель с круглым лицом и узкими щёлочками смеющихся глаз.

Валё поднялся, робко протянул злосчастные часы, мало веря в успех, принялся объяснять. На сей раз водитель недослушал:

— Давай часы, — оборвал.

— Иди сюда, — обращаясь явно к Валё, прозвучал приятный, как по радио, голос. Краем глаза он заметил, что с третьего сиденья от водителя кто-то махнул. Повернулся — знакомое лицо! Как четвертинка лепёшки: плоское, подбородок клинышком, лоб полосой. Видел в спортивной раздевалке. В одной секции с

парнем занимались, только у разных тренеров.

— У-у! — взмахнул Валё руками, будто встречал давнего близкого друга. — Здорово!

Забыв даже назвать друг другу имена, они сразу разговорились. Оказалось, парень — племянник водителя. Ездил с ним по другой, южной стороне Иссык-Куля. Валё, правда, в довершение версии пришлось и ему врать, что обворован. Парень выслушал, как-то близко принимая к сердцу. Валё постарался тему эту быстрее замять. Его совершенно изумлял голос давно зрительно знакомого паренька: при худосочности и мальчишеском лице — взрослый, ровный, без ломких нот. При этом ещё он говорил, памятуя, что племянник шофёра, как надлежит восточному хозяину, — сдержанно, приветливо.

Автобус пошёл на спуск. Оба обернулись: Иссык-Куль был залит солнечными блёстками. Казалось, он тянется, хочет воспарить к солнцу, жадно ловит, всасывает утренние лучи, дорожа мгновением, словно бы солнце восходит над ним не каждый день, намучившись словно без солнца, как бы понимая, что наступит ночь, стужа, придётся биться, отогреваясь, смиряя отчаяние, меж берегов и нужно набраться сил и тепла, ведь не зря же его зовут Тёплым! Кромка склона заслонила озеро.

Ах, как легко и весело бежал вниз их маленький автобус! На виражах что на качелях! Валё и не заметил, как отмотали треть пути. Свернули к саманному белёному дому вдали от дороги — к ашхане. Люди пошли обедать. Валё стал активно глотать слюну и всеми силами делать вид, будто это дело, еда, его не интересует. Бахыт — так звали парня, нового друга, — что-то сказал по-своему водителю, дяде. И тот, постукивая по плечу, повёл безденежного пассажира с собой.

Он взял им с Бахытом по порции лагмана! С той поры, попадая в Среднюю Азию, во всех общепитовских заведениях Валё старался брать лагман. И даже когда подавали что-то отдаленно напоминающее это блюдо (общепит в последние годы повсеместно улучшил интерьер, но готовить стали хуже), он ел со

вкусом, чувствуя в себе остатки того аппетита, с каким накинудся на лагман в саманной ашхане возле дороги.

Валё зачерпывал ложкой длинные спутанные полоски лапши, густо пересыпанные рубленным мясом, залитые перечно-чесночным соусом, низко наклонялся, чтоб не обронить и не расплескать, хватал ртом, пытался не торопиться, жевать нормально, но пища будто таяла. Извинительно и возбуждённо переводил взгляд на Бахыта, как бы говоря — какая вкуснятина! Бахыт, правда, его восторгов не разделял.

— Так себе лагман, — сказал. — Ты, наверное, настоящего лагмана не пробовал. У нас дома готовят: восемнадцать приправ кладут.

На тарелке у него осталась добрая половина порции. Валё так и подмывало доест, но сдержался. Не понимал совершенно, как может быть у человека плохой аппетит! Он бы, казалось, чан опустошил!

После еды разморило, задремал, проснулся уже за Кантом на подъезде к своему посёлку.

Дома! Как удивительно звучало — «дома». Прямая асфальтированная улочка со свисающими зелёными гривами по бокам — «маленький Бродвей», или «Брод», как её называли. Дорога словно бежала под ногами. Улочка направо, уложенная булыжником. В груди будто бы наплывали мягкие волны Тёплого озера. Бетонированный овальный мостик через арык, калитка, коридор из лоз виноградника... Мамочка. Она выходила из сада с чашей яблок. Такая родная! Правда, деньги надо просить, чтобы часы выкупить. Ну да как-нибудь.

Он подходил, вернувшийся после странствий, настрадавшийся и любящий, гордо нёс свою овечьную семи ветрами голову, улыбался.

Цепной пёс Рольф запрыгал, тычась мордой в ноги.

Мамочка стояла вполоборота с чашей и смотрела... Почему-то без радости. Раньше, бывало, ездил к родственникам в гости, возвращался, так взгляд её при встрече теплел, светился!

— Что же ты, Валё, делаешь, — проговорила мама тихо и устало. — Пономарёв приехал, а тебя нет.

Значит, всё-таки ничего не случилось, просто уехали — у Валё нет-нет да закрадывалась мысль, что друзья могли не уехать.

— Спрашиваем у Пономарёва с отцом, где ты? Молчит. В секцию твою поехали — там знать ничего не знают. Почему нас так обманул?.. Нельзя так делать...

Его стало прижимать к земле. Попался! Всё как-то в жизни!.. Приехал бы вчера, ничего бы не узнали. Так и считали бы, что ездил с секцией, а теперь виноватый со всех сторон! Хорошо, отца дома не было. Но встреча с ним предстояла.

Крутить и юлить больше смысла не имело, попросил четыре рубля, чтобы заплатить водителю: три за дорогу и рубль за еду. С ним уговора не было, сам прикинул — чего ради он должен его кормить? Мамочка дала только два, сказала — последние. И те протянула без того чувства, которого ожидал: добрый человек сыночку помог, из беды выручил, надо быстрее долг вернуть. Сунула, будто он уже отрезанный ломоть.

Если бы мамочка когда-нибудь и прежде бывала с ним холодновата... Но Валё впервые ощутил на себе отчужденный материнский взгляд.

Как убитый, доехал до автовокзала. Водитель ждал у пустого автобуса, держа часы наготове. Забрал два рубля, ничего не сказав, вернул часы.

На обратном пути Валё завернул к Пономарёву. Вид того был виноватый и пристыженный:

— Нас в кузов один водила посадил, — рассказывал он. — Я смотрю — тебя нет. Валера этот, с магом, сказал мне, что ты уехал. Я думал: правда, уехал. Подъезжаем к Фрунзе, думаем, спрыгнем где-нибудь. А он как погнал... шофёр, когда подъезжали. Около нас тут — так гнал, вообще! Наверно, догадался, что мы спрыгнуть хотим. В городе уже, возле «Аламедина», глядим — раз! — красный свет! Машина чуть притормозила — мы сразу прыг!

У меня еще палатка за борт зацепилась. Дергаю, думаю, ну всё — дядина же палатка! Потом — раз! — вверх так — и дёру!

Валё даже стало жалко друга. Благодаря тому, что Пономарёв с Валерой Первым оставили друга одного, Валё прожил такие длинные, удивительные, необыкновенные день и ночь. Ну, доехали бы они втроём в кузове, спрыгнули у перекрёстка... И не было бы в его жизни недоуменного хождения кругами, навалившейся, давящей потерянности и жути, спанья в подвале, сосущего голода, долгожданного тёплого утра и такого вкуснящего лагмана!.. Тогда он и на Иссык-Куле как бы не совсем побывал. Не увидел бы Тёплое озеро, которое когда-то называлось Железным. Просто ничего бы не произошло! Ему стали дороги минувшие день и ночь и собственный путь домой.

Он и Пономарёву начал об этом говорить. Поделиться хотелось чувствами, мыслями, которые им воспринимались как открытие, прозрение. Но стоило их высказать, получалось что-то привычное, обыденное. Или занудно правильное, будто нравоучение в школе. Наконец сравнил жизнь со столом, на котором должно быть не только одно пирожное, но и соль, и перец... Сам даже подивился, как это всё точно объяснил.

— Пословица есть такая, — помог в размышлениях друг, — хороша изюминка в хлебе, но плох хлеб из одного изюма.

Вроде бы и о том же сказал, но как-то чересчур спокойно, словно давно понятное. И у него что-то внутри, щирящее грудь, бурлящее стало исчезать... Будто воздух из шара вышел. Ну да, всё это и он давно понимал. Понимать-то понимал... Говорить стало больше не о чем и неловко.

Пошёл домой. Шагал, недоумевая: что же он такое всё-таки хотел сказать-то? И снова, оставшись один, чувствовал, как наполняет грудь радость: словно бы голубое озеро там поблёскивало на солнце и разливалось теплом ко всему вокруг. Таким даром виделась возможность просто шагать по улице домой, где ждут, пусть и обиженные, злые на него, но

родные люди — отец и мать. Находило ощущение любви и неразрывной связи со всем сущим. Он представлял, как будет стараться помогать родителям, учиться, станет чемпионом, чтоб гордились! Заботиться — пожилые всё-таки они уже. Сейчас вот прямо придёт, всё по хозяйству перделает!

Навстречу ехал на ослике Алёшка. Завидев Валё, приостановился, потянул узду в сторону, чтобы свернуть, но то ли понял, что поздно, то ли заметил, что тот ему улыбался

— Я деньги после отдавала два раза столько, — заговорил Алёшка издали. — Шашлыка делить города буду. Дядя устроила.

— Ну, ты наделаешь!

У Алёшки изумленно округлились глаза с красноватыми прожилками на белках — так вкусно приготовить шашлыки, как он, по его мнению, никто не сможет! (Заметим, шашлыком впоследствии он их с Пономарёвым частенько подкармливал, а деньги так и не вернул.)

— Садиля, — Алёшка слез с осла, уступая место.

— Да он же только под тобой едет? — несмело сел Валё верхом.

Алёшка хлопнул ослика по загривку, и тот поцокал по дороге, уложенной булыжником. Маленькая коняжка! И лопатки ходят, как у большого, только чаще. И уши торчат, как мушка прицела.

Всадник Валё поделился с шагающим рядом Алёшкой мыслями, которые не сумел высказать Пономарёву. Казалось, теперь бы смог, да поздно,

Деньги, мол, это ерунда, не главное, — придаем им значение, потому как видим не дальше собственного взгляда. А надо бы смотреть на жизнь, как небо на землю, во всю ширь.

— Небо — отца, Земля — мама, — обрадовался его рассуждениям Алёшка.

Герой русских сказок — простак Иван или прямодушный богатырь Илья. И конь у него тоже ратный и праведный. А в сказках азиатских — герой обаятельный хитрован Ходжа Насреддин. И ослик его под стать хозяину.

Ослик с седаком Валё привычно пришагал к Алёшкиному дому, где работала целая артель уйгурской родни. «Собирали помочи» — называли это на Алтае, в родне Карповых.

— Айда помогаля! Новым дом строила. Мама, я, брат, сестер жить буду. — «На голубом глазу» сияющих чёрных очей объявил Алёшка.

И всё большое уйгурское семейство — Алёшкин дядя с сыновьями и его мама со своими детьми — гостеприимно посмотрели на русского паренька, кивая головами и светясь улыбками.

После всеобъемлющих человеколюбивых мыслей, которые так ясно понял Алёшка, было неудобно отказываться. Да и почувствовал себя Валё не просто отдельным человеком Валё, а посланником русского народа, который не должен, не имеет права ударить в грязь лицом.

Валё вдруг захотелось посаманить, почерпать глину кетменем, форму потаскать. Он показался себе большим мастером этого дела! Но нужно было домой успеть до прихода отца. Мать ждала... «Ладно, немножко поработаю, всё равно мог с полчаса еще пробыть у Пономарёва», — решил Валё.

Полчасиком тут было не отделаться. Хотел уже напоятную, разогнулся, чтобы об этом сказать. Но на Алёшку закричал его двоюродный брат Каюм. Валё всегда было неприятно, когда брат на дружка покрикивал. Полагал, это потому, что сын дяди — хозяина. А семья Алёшки с матерью и сёстрами — приживалы.

С Алёшки всё как с гуся вода. Затараторил что-то возмущённо, указывая на Валё. Тот невольно заулыбался в ответ под общими взглядами и, проклиная Алёшку, а больше себя, вновь потащил наполненную форму. Домой ведь надо, домой! Саманы получались на удивление — навыв, видно, сказывался. А может, замес лучше сделан, чем получался у них с Пономарёвым. Форма легко снималась. Алёшкина мать его похвалила. Каюм, парень серьёзный, основательный, тоже сказал пару одобрительных слов. Ничего не оставалось, как стараться делать ещё лучше.

Мамочка, наверное, заждалась, изгляделась вся из-за калитки. Отец должен был скоро прийти... Клял себя, таскал, смотря в землю, форму, выкладывая на землю равные большие кирпичи. А когда разогнулся, чтобы поговорить с Алёшкой — пусть объяснит всем, что завтра придёт помогать, послезавтра, в любой другой день, но сегодня никак, — то нигде его не увидел. А вскоре из глубины сада донеслось звонкое пение.

Пел Алёшка всё о том же: как хорошо жить на белом свете!

Когда ближе к вечеру Валё направился домой, осёл прокричал вдогонку, словно предупреждающий сигнал паровоза.

Рольф, звякнув цепью и поджав хвост, скрылся в собачьей будке. Значит, отец был уже дома.

РОЛЬФ

Дом близ Фрунзе — так называлась тогда столица Киргизии — мамочка купила сразу с собакой по кличке Рольф. В породе пса явно значились овчарки, поэтому и Рольф был рослым, серым, но, видно, старым: неторопливым, любящим свою будку. Да и — жара!

У Рольфа обнаружилось особое чувство: пёс заранее чувствовал гнев отца. Это было непорочно: отец не накапливал, не таил в себе, а сразу из совершенно безоблачного настроения мог съехать в страшный громовой крик, схватить и швырнуть в нерадивого сына камень, а то замахнуться лопатой или топором. И вот ещё за секунды до этой разительной перемены чувства породистых предков понуждало Рольфа поджать хвост, мелко задрожать загривком, и пёс забивался в конуру.

Дом стоял на улице Мичуринской, и отца одолела просто мичуринская тяга к садоводству и селекции растений. К яблоне он прививал вишню, к груше абрикос — срезая ветку тонко и ровно наискосок, прикладывал так же срезанную другую, заматывал, как рану, лейкопластырем. Все у него на удивление приживалось, деревья плодоносили, клубника

благоухала, и запах стоял по всему огороду — райский! Валё, привыкшему к независимой жизни, приходилось, по команде, выносить камни с огорода, коих на неухоженной прежде земле скопилось множество, окапывать деревья, пропалывать, окучивать. Почва здесь была не сибирская, а засохшая глина, которую лопатой не возьмешь, только большим чекменем, размахиваясь для удара, как топором. Угодить отцу было сложно, всё было не по нему, не так взрыхлено, не туда положено или не оттуда перенесено.

— Ты куда камни стаскал, обалдуй, неси вон туда!

И Валё перетаскивал на иное место добрую машину камней — увозить с территории отец не хотел: всё пойдет в строительство.

Саманный дом, сделанный по типу низкой черкесской сакли, расстраивали вширь, наращивали в высоту стены. Потолок отец решил залить асбестом. Вокруг ТЭЦ валялись большие полукруглые плиты асбеста, которыми окантовывали трубы для тепла. Плиты приходили в негодность, их меняли, а старые увозить не торопились. Отец привозил их, по одной, две, на моторном велосипеде. Соорудил болванку, которой сын разбивал и превращал плиты в труху: округлая длинная чурка с прибитыми ручками. Всё это заливалось водой, набухало и перетаскивалось по лестнице в ведрах на чердак. Отец очень радовался собственному изобретению: потолок получался пухлым, легким и, безусловно, тёплым.

Рольф, как только Валё принимался орудовать своим отбойным оружием, забивался в глубину конуры. И даже едой его оттуда нельзя было выманить. А хвостом начинал вилять и подрагивать ещё раньше, когда хозяин вываливал из мешков разломанные асбестовые плиты. Запах от них шёл едкий, да и пыль столбом.

Сначала на Мичуринской соседи к отцу потянулись: он всё знал и умел — по огородничеству, по строительству, разбирался в политическом положении и громогласным трибуном просвещал местное население. Но

скоро народ от него стал шарахаться — всё не так делают, а понимать не хотят!

Скоро поколотил соседа.

Для полива в Киргизии пользуются арыками: канавка такая выкопанная. По ней вода течет, у каждого есть отвод в свой огород. Он обычно сухой. Поливают по очереди — пускают воду из общего арыка в свою канавку. Ссоры из-за очередности происходили постоянно. Ну, так покричат, даже чекменями помашут, и решат полюбовно вопрос.

Из-за арыка вышла стычка и у отца с соседом. Причем были они оба в огороде, а Валё на улице, перекрывал течение по уличному арыку, понуждая воду течь налево, в канавку меж двумя огородами. А там, уже в огороде, снова течение перекрывается, и полив идёт в соседский или в свой огород, в зависимости от направления маленькой дамбы.

Полив происходил обычно поздним вечером, чтобы меньше было испарение. Рольф в свете лампочки во дворе вдруг заскулил, заюлил хвостом, провыл в сторону огорода и шмыгнул в будку.

Мамочка, вытряхивающая половик, тоже обернулась туда, где находился отец, невидимый за деревьями. Сын, завершив этап мелиоративных работ, поспешил в огород, где надлежало помогать отцу: отводить ручейки на отдельные грядки и насаждения.

Отец и сосед в сумерках стояли по обе стороны арыка меж огородами, заполнявшегося водой. Сосед Степан, бывший шахтёр, значительно был выше отца, весь крупнее. Оно и прежде бывало — говорили через межу о войне во Вьетнаме или хунвейбинах в Китае. Но сейчас, откинувшись назад и выставив вперед рабочую мозоль — массивный живот, видно, не в забое работал, — сосед сделал небрежную отмашку, мол, иди, пока цел. И в следующий миг он уже висел на отцовских кулаках, который всаживал снизу удары, не давая упасть. Валё серьёзно занимался боксом и мог оценить: апперкоты шли на уровне! Большой человек орал страшно, с визгом, с верещанием животным.

Уже затемно прибыла милиция: кто-то вызвал, а для этого нужно было сбегать к оста-

новке автобуса, где стояла будка с телефоном-автоматом. Для звонка в милицию, пожарную и скорую помощь, кстати, не требовалась положенная двухкопеечная монета.

Служители порядка вызвали «бойцов» на улицу, поговорили. Отец был среднего роста, среднего сложения, по виду — раза в полтора меньше потерпевшего. Следов побоев на последнем никаких, на животе, может, и были синяки, но ехать на освидетельствование сосед Степан отказался. Что называется, не хотел возникать. Всё-таки дело соседское.

С ними, домашними, отец менял гнев на милость в мгновение: вот только орал на чём свет стоит, повернулся — похохатывает! Ямочки на щеках. Ровно так же следующим утром заговорил с соседом, вытравляя всякую тварь, поедающую листья растений. Для этой цели использовал аппарат для побелки — за спину цеплял баллон с ядовитой жидкостью, в руках держал распылитель. Одет при этом был в целлофановый плащ и мотоциклетные очки. Такой фантастический человек, пред которым, кажется, трепетало даже стоявшее в огороде пугало.

— Степан, — живо обращался отец, — а ты почему их, гадов, не травить?

Степан явно решил с соседом больше не разговаривать. Некоторое время дулся.

— А то я травлю, а они от тебя опять ко мне! — отец был само миролюбие.

— Как не травим, — отвечала соседка, — я вон собираю хожу, а Степа в бензине их сжигает.

— Травить ты их, — не выдержал сосед. — Ты же и себя травить, это ж всё потом на ягоду летит.

— Чепуху не пори! Всё промывается!

— Всё Америка! Подбросили нам этого жука. Колорадский. Это ж у них штат такой есть, Колорадо.

— Ну, специально не подбрасывали, — отец всему был знатоком, — завезли с продуктами во время войны по ленд-лизу. Травить надо! Бороться! Вьетнам, маленькая страна, народ мелконький, — показывал он рукой, — а подсыпали американцам пургена!

— Подсыпали бы они, без нашего оружия... Соседская идиллия!

Через неделю-другую уже сам Валё бежал, чтобы вызвать теперь скорую. Отец избил зятя.

Дом — сакля — состоял из трёх последовательно расположенных комнат. В одной располагались родители, в другой — семья сестры Эли, дочери от первой жены отца, а посреди — Валё.

Филипп — зять — высокий, тонкотелый, хотя и работал с юности кузнецом, был человеком тихим, безропотным даже по отношению к жене. «Ну чё ты, Еля?» — светился, когда гневалась Эля. Всегда с улыбочкой, шуткой, часто нарочно усиливая свой деревенский говор: «Всем мядали, мне ня дали», — посмеивался, когда к юбилейным праздникам известным гражданам вручали ордена.

И вот этот человек, Филя-простофиля, вернулся с работы вдруг выпивший и что-то забуровил, обращаясь уже через закрытую на ночлег дверь к отцу.

Стоял он перед настенным зеркалом, поправляя зачем-то, глядя на ночь, светло-русые завитушки на чубе.

Дверь в родительскую спальню, кажется, вылетела с громким хлопком, и тотчас отец воистину коршуном бросился на зятя. Валё только увидел, как у того взлетели вверх длинные ноги, и без промедления, мгновенно, папа родимый вбил колено в живот лежащему на полу Филе.

Зять был после операции аппендицита, который ему как-то неудачно вырезали, и все ещё оставался незатянувшийся шов.

Филя завопил и клубком выкатился во двор.

Обычно мужики в ссоре предлагают пойти, поговорить, как бы разгоняются, чтобы набрать нужный гнев. Делают всё по чести. Отец, сколь Валё помнил, всегда действовал наскоком, сразу. До поры Валё подумывал, что очень решительный папа, на самом деле, трусоват, и побеждал в себе напором страх. Но позже брат Олег, который был пятнадцатью годами старше и знал родителя в иной ипо-

стаси, поведал, что отец, вернувшись с войны, работал в НКВД. Сопровождал особо опасных преступников. Причем в тех случаях, когда человека нужно было один на один доставить по назначению общественным транспортом. Так что, зная, и впредь он руководствовался уставом.

Валё выбежал за Филиппом, которого, как положено в родне, звал браткой. Братка Филя катался на спине у калитки с истошным криком.

Рольф на этот раз не забился вглубь колуры, а наоборот, крутился на цепи и гулко лаял навзрыд, словно тоже взывал к добрым людям.

Скорая Филиппа забрала, он, естественно, сказал, что упал неудачно с дерева. Ну, такой человек: любит ночью по деревьям лазить!

Люди при виде соседского мальчишки Валё потрясали головами, мол, ну у тебя и... При отце, однако, становились истуканами.

Степаных скоро добавил о себе легенд.

Филипп рассказал. Ехал он с отцом — тестем — в одном автобусе, но порознь. Степаных мгновенно в любом людном месте открывал группу по интересам, громогласно проповедуя, как надо консервировать ягоду, прививать растения или правильно питаться. Тётки вокруг него сразу грудились, глядя восторженно на такого заразительного грамотея. На остановке Филя также специально вышел чуть сзади, чтобы рядом не идти — да с ним и невозможно рядом, отец ходил размашистым стремительным шагом, не утонишься. А тут же, около остановки, стайка пареньков к девчонке приставали. Окружили, пройти не дают, руками цепляют. А той вроде как ехать надо. Народ весь — по тропке мимо, а Степаных напрямиком к парнишкам этим. Садовый нож всегда был при нём: большой такой, складной, изогнутый, как клюв хищной птицы. А уж наточенный, волосок на лету рассекает! Подлетел кречетом с ножом наперевес, с ходу сунул блестящее лезвие в ширинку одному — тогда брюки были не на замочках, а застёгивались на пуговицы, — срезал пуговицы. И так у каждого, громогласно объявив:

— Не знаете, куда руки девать?! Держите штаны!

Филя показывал, смахивая слезу от смеха, как Степаныч срезал пуговицы, а мальчишки потом держали штаны. Он по-деревенски растягивал слова и якал, получалось: «Ня-а знайте, куда руки дя-авать, дя-ржите штаны». Любил зять тестя всё-таки.

На остановке случились и кто-то из соседей. И теперь Валё встречали улыбками, иные признательно оттопыривали большой палец, а соседские парни постарше жали руку, будто геройствовал он: остепенил-то отец чужаков!

В районе улицы Мичуринской жили русские, приехавшие из Сибири, уйгуры, переселённые из Китая, некогда депортированные чеченцы, реже — киргизы, которые в ту пору обитали большей частью в горных районах, но стычки происходили не по национальному, а сугубо по территориальному принципу.

В те же годы на улочки Советского Союза, вроде Мичуринской, пришёл Высоцкий. У одного мальчишки, сына директора магазина, был плёночный магнитофон. Хозяин с самым модным тогда именем Алик протягивал шнур через весь двор, устанавливал магнитофон на скамье у ворот, включал. Тогда же пришли и «Битлы». И словно стонущие голоса на малопонятном языке вытягивали душу. Мальчишки стали носить с напуском на уши волосы, а потом и до плеч, и брюки клеш от колен. Но когда слышали Высоцкого — душа бурлила и гудела. Голос рвался из динамиков свой, родной! Хриплый, видно, человек долго жил на Севере, срок тянул. А отсидевшие люди были для мальчишек с окраины неоспоримым авторитетом. Почему? Комсомол работал, партия, воспитывали дураков, а они внимали какому-нибудь бывалому человеку с наколками и любили дворовые песни:

«...Со мною нож, меня так просто не возьмёшь, держитесь, гады!..» Что тут добавить? Это про каждого из них! «А русалка — вот дела! — честь недолго берегла...» — знавали таких русалок!

Валё же особо нравилась песня иного склада: «По нехоженным тропам протопали лоша-

ди, лошади...» Нравилось, когда голос, чуть меняя тональность, дважды произносил «лошади, л-лошади-и». То есть их было много, лошадей, табун, другой, и они протопали — «неизвестно к какому концу».

Парень переносился сердцем в тот край, где были лошади, табуны, и он был седоком, и куда его унесло, и к какому концу унесёт?.. И такая сладкая горечь накатывала, и тоска, и ширь в груди — не продохнуть!

А куда вечно несло отца? Три-четыре раза на дню он приходил к решению, что надо переезжать. Одно мешало: утром он собирался в Таджикистан, где теплее, слаще арбузы и дыни, к обеду — в Крым, там море, а к вечеру совсем в иную сторону, в Ленинград, где обнаружил дезертира, с которым вместе воевал, а теперь увидел по телевизору: пристроился, гад! Надо поехать, разобраться.

Не давал ему и другой зов покоя. Удалости какой-то, что ли? Порядка, который он тотчас везде хотел выстроить.

Возвращался отец с работы запоздно на своём мотовелике. А на соседней улице, Токмакской, лесопилка была. И заметил Степаныч на ходу среди ночи людей на пилораме. Понятно же, лес подворовывают. Ну, другой человек проехал бы мимо от греха подальше, может, нашёлся и такой, который до телефона-автомата бы добрался, вызвал милицию. Но Александр Степанович Ладкин, сын полководца революции, не имея никакого отношения к лесопилке, решил самостоятельно пресечь противоправную деятельность. Вытащил обрез и дал предупредительный выстрел. Обрез он сделал накануне из имевшегося ружья шестнадцатого калибра, отпилил часть дула и приклада. На оборотной стороне плащ-палатки устроил карман в виде кобуры и так носил. Оно ночами-то ходить по пригородам Фрунзе, нынешнего Бишкека, было опасно: Валё не раз сталкивался — идёт, а на него — кобла. Двадцать, тридцать пареньков, тогда ещё мода на плётки была из мягкой проволоки, разноцветные такие делали. Бокс не спасёт, обрез — да!

Во второй половине шестидесятых, когда уже миновали стилиги с брюками дудочками, «Битлы» дали моду на клеши от колен и остроносые туфли. Отец предпочитал галифе и военные сапоги. В плащ-палатке он выглядел человеком, прибывшим с войны на побывку. (Хотя на довоенной фотографии он, молодой директор семилетней школы, был в шляпе и костюме.) К нему никто никогда не задибался.

И вот он дал предупредительный выстрел в воздух, прокричав командным голосом:

— Стоять, не двигаться!

И направил во тьму лесопилки луч смастерённого им фонарика с удлинённой ручкой, где помещалось три батарейки.

И обомлел. Люди, находившиеся на лесопилке, были в милицмейской форме.

Эхом прогремел обратный выстрел из пистолета.

— Стоять, не двигаться!

Оставалось только припасть к земле, как на фронте, и далеко зашвырнуть обрез кому-то в огород...

Обо всём этом опять рассказал Филя, веселясь от души.

К этой поре Филя получил желанную с детства профессию шофёра и устроился водителем автобуса при тюрьме в Молдаванове, где выделили семье двухкомнатную квартиру. Отец наутро попросил сотрудников милиции позвонить зятю, тоже сотруднику, у которого на дому теперь был телефон — крайне редкая тогда привилегия.

Филя приехал, милиционеры хохотали, разобравшись, но отца не выпустили. Зять съездил за мамочкой, которая работала в больницы столовой, и та каким-то чудом сумела договориться. Мужа отпустили под её ответственность.

Много говорящий отец о себе ничего не рассказывал. Молчал и по поводу случившегося. Валё и сестра Эля обо всём узнали от Филиппа, который умел представить событие в лицах, и веселился опять, не переставая дивиться тестю.

Отец же, как свойственно людям с творческой жилкой, взялся за кисть и в день-два

стены дома превратились в образ сибирской тайги с ветвями кедров и летящими белками. Знать, в минуты смятения вспоминал он родину, о которой в обычной жизни тосковал мало. И даже захотел поехать не в южную сторону и не к морю, а на Алтай, где в селе Шипуново по-прежнему жили мать, родная сестра Стеша и брат Яков — такой же, как и мамочкин брат Яков, рослый и большой. Отсчитал деньги — три копейки за слово — и отправил Валё отбить брату телеграмму: «Срочно телеграфируй возможность моего приезда. Саша». Так тогда говорили — «отбить».

Сделать это Валё предполагал по пути на тренировку. Занимался он в центре Фрунзе на стадионе «Алга»: минут сорок на автобусе по восьмому маршруту. Требовалось пару остановок пройти пешком, зайти на почту, а потом уж на автобус. Шёл, «восьмёрка» как раз остановилась, инстинктивно прыг в открывшуюся дверь: ну, на обратном пути отправит!

Потом с другом решили прошвырнуться по «Броду» — так называли во Фрунзе улицу XXII партсъезда. Молодёжное название происходило от американского Бродвея. Но «Брод» было ближе и понятнее — действительно, юноши и девушки бродили от кинотеатра «Ала-Тоо» до кинотеатра «Октябрь» по центральной улице столицы Киргизии. Здесь знакомились с девушками — «клеили чувих», иногда дрались, искали «квартиру» — место, куда бы можно было отправиться скопом и устроить «бардак» — тоже название тех лет, которое вовсе не означало беспорядка, а лишь место для вечеринки. Вспомним у Шукшина: «бардальеро».

Словом, телеграмму Валё выслал днём позже. Ну, подумаешь!

Еще денёк минул, возвращался из школы, вошёл в калитку, вдруг Рольф заскулил и юркнул в конуру, звеня цепью.

Отец стоял на стремянной лестнице, прислонённой к стене. Резко повернулся. В следующий миг лестница с шумом планера летела в сына. Юный боксер успел сделать уклон — снаряд прошелестел над левым ухом. Как всегда, не давая опомниться, отец схватил противника за горло.

— Ты когда телеграмму должен был отправить?!

Ответить не представлялось возможным. Папа душил и прижимал к стене.

Валё в свои шестнадцать стал заметно выше отца ростом. Был худ, но тренирован, силёнка играла. Сын взял отца за запястья, вывернул руки, опустив вниз. Сказал сдержанно:

— Не трожь. Ударю.

Отец глянул в оторопи, круто развернулся и ушёл в дом. Вышла мамочка:

— Что случилось, Валё? Отец зашёл, сел на пол. И заплакал.

Отцу было пятьдесят четыре года.

А что дальше? Как быть? Как с отцом? Да и можно ли на отца руку поднимать? Он, Валё, конечно, не поднял, но все равно. А почему родителям на ребёнка можно?

Отец Васьки Богачёва взял с собой сына и его дружка Валё сусликов ловить. Было им лет по восемь. Поехали на мотоцикле с люлькой: Богачёвы жили согласно фамилии — дом под железной крышей, высокие тесовые ворота и мотоцикл, не «Ковровец» какой-нибудь или даже «Иж», а «Урал»!

Капканы расставили неподалеку, на другой стороне Бии, где высокий обрывистый берег. Поверхность земли там гладкая, трава низенькая. Норы хорошо видны. Нужно снять пласт земли и по наклону норы, в углубление поставить капкан. А потом в нору налить воду. Скоро у всех нор бились с писком в капканах суслики. Дальше следовало схватить одной рукой зверька за загривок, а другой — нажать на грудь, нащупав колотящееся сердце. Васька это делал тренированно, легко, с удовольствием: нажал большим пальцем, послышался щелчок, и суслик тотчас угас. Рядом бегала такса Фока, которая помогала выгонять зверьков и ловила тех, кто успевал проскользнуть мимо капкана.

У одной из нор уже пойманные суслики вырвались из капкана. Виноват был Валё: он попробовал быть полноценным охотником и нажимом оторвать сердце, но там, под пальцем, оно так билось, сусличье сердце, отзываясь разрывами в его сердце, что он лишь сделал вид, что нажал.

Как раз приближался отец Васьки. Был он здоров, плечист, с мощной грудью. Отец снял солдатский ремень и стал охаживать сына. Пряжкой, со всего маха! Васька орал, визжал, но не убегал! Своего отца Валё тоже видел разгневанным. Но чтобы так бить — пряжкой малорослого Ваську, которого на улице валили все сверстники!..

Валё попытался изречь про свою вину, но мужчина лишь чуть глянул в ответ:

— Он сын охотника, понимаешь?! — сказал как равному. И поддал сильнее.

Потом весело вёз мальчишек на мотоцикле, виляя неожиданно рулём для куража.

Сусличьим мясом Богачёвы кормили норок, которых разводили дома. На большой сковородке были пожарены сусличьи ножки, лоснящиеся от стекающего жира. Суровый отец Васьки особо потчевал маленького гостя. Что ж, у Валё во всей округе, как и в большой родне, был особый статус: сын Ирины Михайловны. Няньки Ариши, Ариши. Даже имя мамочки люди произносили со значением.

Рольф на цепи, пристегнутой к длинному проводу, ластился, вилял хвостом, тыкался мордой в ноги, как это делал некогда молодой Тарзан. Валё гладил утешителя, заглядывая в умные собачьи глаза. Было не по себе: отец плакал, а он не хотел, чтобы его отец плакал.

Через день-другой отец купил сыну на рынке олимпийку. Пусть без положенного замочка на груди, не из тонкой шерсти, а из пухлой вигони, но это было последним писком моды: синего цвета, с белыми окантовками вокруг шеи, по рукавам и штанинам. А ещё через время дал деньги на туфли, самые модные, остроклювые, на высоком каблуке, которые стоили половину месячного оклада, разрешил в ателье заказать брюки клёши со складками. Сделал боксёрскую грушу — у Валё висел мешок, набитый старьем. Отец набил небольшой мешок песком и погрузил его в другой мешок, заполнив пространство опилками. Откуда-то притащил ядра, похожие на пушечные, обшил крепкой мешковиной, получились гири. Занимайся, сын! Тренируйся.

На магнитофон Валё рассчитывать было нельзя. Поэтому, наслушавшись магнитофонных записей на скамейке у Алика, он орал дома, делая голос хриплым: «Ах, уймись, уймись, тоска, у меня в х-руди-и...» И уж конечно: «По нехоженным тропам протопали л-лошади, лошади-и, неизвестно к какому концу...»

— Не кричи, Валё, — сказала мамочка, которая ему никогда слова поперёк не говорила.

— Пусть кричит, — спокойно произнёс отец. — Может, из этого что-то и получится.

Это было очень неожиданно. И что ещё удивительнее, отец в сыне младшем признал свою породу: «Бровями и со лба — на деда стал пошибать!» Дедом, отцом своим — он не переставал гордиться!

Мамочка же всё чаще держалась за живот. Было заметно, как она преодолагает боль. Коснись отца — давно сходил бы в поликлинику, проверился. Лечился бы, правда, не в больнице, а своими где-то вычитанными и узанными средствами. Но мамочка всё терпела, надеясь на авось.

Отец же решил покрыть крышу ещё одним слоем асбеста. Валё развивал скорость отбойного молотка, разбивая в пыль овальные пластины: отработывал удар.

Старый пёс скулил, забивался вглубь собачей будки, где пыли было меньше. Эх, если бы люди умели понимать собачий язык и те предупреждения, которые посылал хозяевам Рольф, жизнь могла бы пойти иначе.

Стал выть ночами.

— К кончине, говорят, собаки воют, — смело сказала мамочка.

— Ерунду не пори! — отрезал отец. — Собака след чует, потому что запаха, а будущее как она может чутать?! Веришь в чепуху!

Как раз пришла телеграмма с Алтая о смерти дяди Евсея, родного мамочкиного брата, растившего всех младших детей «заместо» покойного отца их.

— Надо бы поехать. Проститься... — несмело задумывалась мамочка, хотя на самом деле, даже не учитывая долгую дорогу и средства, она была нездоровая для такого пути.

— Чепуху не городи! Он что тебе, поднимется, скажет, прощай?! Ну, постоишь, посмотришь, и что?! По мне так, живу — пока живу! А помру — хоть за ноги да на свалку!

Как позже выяснилось, Евсей надсадился, перенося центнеровую свиную тушу с улицы в сени, куда надо было подняться по ступеням высокого крыльца. Так часто случается с очень сильными людьми, привыкшими, что им море по колено. И нет потом скидки на возраст, который берёт своё: Евсею Михайловичу было под семьдесят! («Ноша» — есть у автора рассказ с близким сюжетом.)

Мамочка всё-таки сходила в поликлинику, и её положили в больницу.

И сразу же пропал Рольф. Утром обнаружился пустой ошейник, валяющийся посреди двора. Тарзан в Сибири часто таким путём срывался с цепи. Но Рольф — нет! Тем более что цепь была на длинном проводе, протянутом во весь двор — коридор из виноградных лоз к калитке. Есть где разгуляться! День не было, другой. На третий-четвертый Валё обнаружил его за огородом, в бурьяне.

— Старые собаки в деревнях обычно ухилили помирать подальше от дома, — рассудил отец.

В предчувствии человеческой участи он собакам отказывал, но в знание псом время своей кончины верил. Всё правильно, это же можно было объяснить физическим состоянием. А всё, что необъяснимо, Александр Степанович, в прошлом сельский учитель, отвергал.

(Позже Валерию довелось услышать от Владимира Толстого, праправнука Льва Николаевича, объяснение ухода великого Толстого из Ясной Поляны, которое вызывает многочисленные споры, очень простое: «Лев Толстой ушёл, как старые собаки уходят, чтобы помереть подальше от дома». И мостик в сознании Валерия перекинулся во двор в прекрасном азиатском крае по улице Мичуринской с урожайным огородом и диким бурьяном за забором.)

Отец как-то потерял интерес к строительству. Едва дождался, когда жену выпишут из больницы, собрал рюкзак и уехал смотреть новое место для жизни в Таджикистане.

Сказал, недели на две, но не было его всю зиму.

Мамочка с сыном остались в недостроенном доме. Стены подняты, потолок, залитый асбестом, высокий, но всё не оштукатурено и в средней комнате не настелен пол. Балки и голая земля. Печка тоже сложена хорошая, с семью коленами, как это отец умел, но дров не было, покупали на лесопилке стружку, которая пыхала ярко, но прогорала мгновенно. Увы, сын не обладал отцовской сноровкой, чтобы всё достроить самому. А нанимать — денежки не было. И надо ж такому случиться, что зима в том году в Киргизии выпала такая, каких не было сто лет. Морозы по минус двадцать. Для Сибири это теплынь, но в горном климате Средней Азии — дубяк!

Мамочка, после закрытия больничного листа, ушла на пенсию и не расставалась с грелкой. У семнадцатилетнего сына стали кровоточить дёсны, крошиться на корню зубы и пошёл обширный фурункулёз. По телу и лицу. Пришлось оставить бокс, хотя тренер прочил ему олимпийские победы. Тогда они с мамочкой думали, что всё от постоянного холода: спали в пальто. Но у отца перед отъездом, когда ещё было тепло, тоже начался нескончаемый фурункулёз. Он и уехал резко, может, что-то почувствовал с собой неладное.

Выяснится это гораздо позже, через годы. Отец вернётся, дом достроят, сын уедет учиться в другой город. Родители решат разъехаться, продадут красавец дом с еловыми ветками и летящими белками по стенам. Если прежний дом мамочка покупала исключительно на свои, привезённые из Сибири средства, то деньги за проданный дом отец поделит пополам, так что жена уедет на родину с суммой меньшей, чем приехала. Но ей было не до справедливого дележа: душа улетела на родину — случись что, пусть там. А глядишь, среди братьев, сестёр, племянников — среди родни! — ещё и поднимется.

Годы спустя отец, поживший в разных местах, снова приехал в Киргизию. Всегда любивший бывать в местах, где когда-то жил, зашёл

в гости к новым хозяевам дома по улице Мичуриной. Да и как не зайти? Такой дом им достался, и красивый, и высокий, и тёплый, а уж огород какой ухоженный да плодородный! Хозяев он помнил: молодые родители с детьми и старая высохшая бабка. Как у них глаза разбегались от радости, купив дом!

К калитке вышла одна бабка. Сообщила: осталась только она. Все из семьи умерли. Причина одна — лейкемия. Где-то «подцепили» радиацию.

Буквально в эти же дни отец, всегда внимательно прочитывающий газеты, наткнулся на статью о радиоактивности асбеста. Об этом вдруг стали писать много: асбест широко использовали в строительстве, достаточно сказать, крыши крыли листами шифера из асбеста. Даже сертифицированный для хозяйственных нужд материал оказывался радиоактивным. Отец же с сыном использовали технические асбестовые покрытия, которыми утепляли трубы, находящиеся вдали от зоны обитания или под землёй.

Валё после отъезда из Киргизии фурункулёз и кровотечение дёсен мучили еще год. Потом всё наладилось.

У мамочки всё же случилась онкология. Сын вернулся в Бийск, был рядом.

Года не пожила на родине. Упокоившуюся Аришу, Ирину Михайловну, няньку и лёльку, мамочку, мужчины несли на плечах, будто славного воина, от дома до Первой столовой, где она работала долгие годы. За телом шествовала колонна съехавшихся отовсюду родственников и собравшихся большим числом зареченских соседей.

Рассказывая через годы сыну об участии новых хозяев дома с летящими белками по стенам, отец не переставал удивляться чуду жизни: карга-то старая, высохшая, сморщенная, а никакая радиация её не взяла!

К чести отца, проявил он и заботу о дальнейших новых жителях дома: нанял публику, в те годы обязательно отирающуюся у маленьких провинциальных магазинов. К слову, эти два-три забулдыги и составляли иллюзию русского пьянства: приезжий человек куда идет?

В магазин, а там вечно свободный неунывающий народ. Ага, деревня пьёт, хотя все остальные сельчане в это время на пашне, в коровниках и свинарниках. Их не видно.

Так, за известную валюту советские пропивохи, которые всегда на подхвате, сняли слой асбеста на потолке: высохшего, легкого, отваливающегося, как коровьи кизяки.

А Валё виделся старый рослый клочковатый пёс, жалобно скулящий, побито пригибающийся под удары колотушки, разламывающей в пух и прах куски асбестовых радиоактивных плит. А то вдруг захлёбывающийся громким ухающим лаем, что ж вы, мол, господа хорошие, делаете?!

«Что пройдёт, то будет мило», — сказал поэт.

Другой поэт рисовал картину: «Трудное, трудное всё забывается, светлые звёзды горят».

Киргизия во всю жизнь для Валё осталась образом земного рая.

(Окончание следует.)

Владимир Александрович КАРПОВ

родился на Алтае в 1951 г. Окончил Ленинградский театральный институт (ЛГИТМиК). Автор книг прозы, сценариев художественных фильмов. Один из авторов антологии «Шедевры русской литературы XX столетия» (РАН). Переводчик произведений якутских писателей. Лауреат всероссийских и региональных премий, отмечен наградами отдельных изданий.

В эфире радио «Мир», «Радио-1» вёл авторскую программу «Национальный герой», подготовил более двухсот выпусков о выдающихся людях отечественной истории. Секретарь правления Союза писателей РФ.

